

ОКНА НАПРОТИВ

A woman with her hair in a bun is seen from behind, sitting at a table and looking out a large window. She is holding a dark cup. The window looks out onto a city street at night, which is wet and reflecting the lights. In the background, there are several multi-story apartment buildings with many lit windows. A white van is parked on the street, and a playground with a red slide and a swing set is visible in the foreground. The overall mood is contemplative and quiet.

ДАНИИЛ ОРЛОВ

Даниил Орлов

Окна напротив

<https://litres.ru/74653218>

SelfPub; 2026

Аннотация

После развода Лида возвращается с пятнадцатилетней дочерью в квартиру умершего отца. Председатель двора Павел встречает их как идеальный сосед: находит мастеров, чинит замки, знает, кому позвонить. Но вскоре бывший муж Лиды начинает говорить о вещах, которые мог увидеть только человек из окна напротив.

Двор, где все привыкли помогать друг другу, превращается в сеть наблюдения. Чтобы остановить её, Лиде придётся признать собственный опасный поступок, отказаться от удобной версии событий и доверить соседям свидетельствовать каждый за себя. Ведь настоящая угроза приходит не от незнакомца, а от того, кто всегда готов помочь.

Содержание

От автора	4
Глава 1. Квартира отца	5
Глава 2. Окно напротив	24
Глава 3. Полезный человек	46
Глава 4. Белый фургон	64
Глава 5. Дворовой чат	84
Глава 6. Список помощи	101
Глава 7. Слова Виктора	118
Конец ознакомительного фрагмента.	132

Даниил Орлов

Окна напротив

От автора

Мы часто узнаём заботу по скорости: человек первым отвечает, знает нужный номер, приносит ключ, вызывает мастера и помнит, когда ребёнок вернулся домой. Но те же умения нужны тому, кто хочет незаметно управлять чужой жизнью. Разница обнаруживается не в полезности помощи, а в праве отказаться от неё, узнать, откуда помощнику известны подробности, и сохранить часть своей жизни за закрытой шторой.

Эта история не предлагает перестать доверять соседям. Она о другом: доверие не должно превращать одного удобного человека в хозяина всех ключей, разговоров и версий. Даже добросовестный свидетель видит лишь своё окно. Безопасность начинается там, где каждый может назвать увиденное, не дополняя его чужим выводом, а тот, кому помогают, остаётся участником решения, а не его предметом.

Глава 1. Квартира отца

Ключ вошёл в замок только до половины.

Лида вынула его, протёрла большим пальцем и попробовала снова. В узкой площадке шестого этажа пахло мокрым бетоном, кошачьим кормом и чем-то сладким, горелым. За спиной стояла Даша, прижав к животу рюкзак, а внизу лифт то закрывался, то опять раздвигал двери: чемодан мешал створке.

— Мам, он сейчас уедет.

— Не уедет.

Лида сказала это с уверенностью, которой не чувствовала, и нажала кнопку вызова локтем. Лифт звякнул, створки послушно раскрылись. Внутри остались два чемодана, коробка с папиными документами и Дашин фикус, обёрнутый серой бумагой. Из земли торчала деревянная палочка с надписью «Леонид». Имя растению дала Даша ещё в пятом классе. Теперь один лист сломался в дороге и висел, держась на тонкой зелёной кожице.

Лида в третий раз вставила ключ. Верхний замок не поддался.

Она помнила его другим: латунный круг, две царапины справа, тугой поворот на себя. Теперь вокруг скважины блестело свежее серебряное кольцо. Лида наклонилась ближе. Металл был без царапин.

— Замок новый, — сказала она.

Даша поставила рюкзак на пол.

— Ты меняла?

— Нет.

Снизу хлопнула подъездная дверь. По лестнице кто-то поднимался быстро, через две ступеньки, и Лида машинально подвинула коробку с прохода. Она не испугалась — ещё не успела. Просто оценила расстояние до лифта и вспомнила, что чемоданы мешают закрыться дверям.

Мужчина появился на площадке, тяжело дыша, но улыбаясь так, словно застал их за общим делом.

— Лидия Сергеевна? Ну наконец-то. А я гляжу, машина подъехала, думаю: мои новосёлы.

Он был в короткой синей куртке с каплями дождя на плечах, без шапки. Седые волосы лежали аккуратными полосками. В одной руке он держал связку ключей, в другой — красный складной зонт.

— Павел Меркулов, — представился он. — По двору. Ваш отец меня знал. Не близко, но вопросы решали.

Слово «ваш» он произнёс так, будто Даша тоже была включена в разговор, однако посмотрел только на Лиду.

— Кто поменял замок?

— Аварийщики. Тут в августе дверь вскрывали. Труба у соседей сверху пошла, до вас добралось. Управляющая компания должна была предупредить наследника. Не предупредила, значит. Обычная история.

Он выбрал из связки плоский ключ с синей пластиковой головкой. Лида не взяла.

— Почему ключ у вас?

Улыбка у него не исчезла, только стала спокойнее.

— Я принимал работы. Вода лилась по стояку, хозяйки нет, телефон в лицевом счёте старый. Если ждать нотариальных запросов, весь подъезд поплывёт. Сейчас откроем, всё покажу, потом вызываем мастера и меняем личинку при вас. Я уже договорился, он к шести свободен.

Лида посмотрела на телефон. Было без двенадцати пять.

— Мы приезжаем в пять, вы знаете. Мастер к шести, — сказала Даша.

Павел повернулся к ней, будто только сейчас заметил.

— Значит, ты Даша. В профиль дедушкина.

Даша ничего не ответила.

— Откуда вы знаете время? — спросила Лида.

— Так диспетчер сказала. Вы же звонили насчёт воды и электричества. У нас двор тесный, все службы через меня проходят, иначе ни один мастер не найдёт нужный подъезд.

Лида звонила утром в управляющую компанию из машины, когда они остановились на заправке за сто сорок километров от города. Она назвала диспетчеру адрес, фамилию собственника и промежуток с пяти до семи. Просила прислать сантехника завтра. О приезде сегодня сказала только потому, что женщина на линии потребовала обеспечить доступ.

— Вы работаете в управляющей компании?

— Нет. Было бы написано на куртке, — усмехнулся Павел. — Я председатель дворового совета. Общественная нагрузка, одна головная боль. Открывать будем? У вас растение мёрзнет.

Он сказал это без нажима. Действительно, из приоткрытого окна на площадке тянуло холодом, и бумага вокруг горшка мелко шуршала. Даша взяла фикус в руки. Лида протянула ладонь.

— Дайте ключ.

Павел положил его ей на ладонь, а не открыл сам. Ключ был тёплый.

Верхний замок повернулся легко. Нижний, старый, Лида открыла отцовским ключом. Когда дверь отошла, из квартиры пахнуло сыростью, пылью и знакомым табачным дымом, которого не могло остаться через одиннадцать месяцев после похорон. Лида замерла на пороге. Запах исчез, едва она попыталась вдохнуть глубже. Осталась мокрая штукатурка.

В прихожей горел свет.

— Его оставили? — спросила Даша.

— Проверяли проводку, — ответил Павел. — Я попросил не отключать автоматы. Холодильник пустой, я смотрел.

Лида ступила внутрь и сразу увидела следы чужой работы. Обои справа от двери были срезаны прямоугольником от потолка до выключателя. На полу лежала бурая дорожка из строительной бумаги, края прихватили малярной лентой.

Отцовская вешалка стояла не у стены, а возле кухни. С неё свисала его старая кепка.

Лида сняла кепку, провела пальцами по козырьку и положила на тумбу. Хотелось спросить, кто именно двигал вещи, кто открывал шкаф и почему не выбросил окурки из банки на балконе. Но вопросы теснились, и каждый звучал мелким рядом с тем, что чужой человек уже знал расположение комнат.

— Здесь акт есть? После вскрытия, после ремонта?

— Всё собрал. — Павел прошёл до кухни, не снимая ботинок, и достал из внутреннего кармана сложенный прозрачный файл. — Акт управляющей, фото повреждений, телефон мастера, квитанция за личинку. Платил пока я, потом разберёмся. Семьсот восемьдесят рублей, без накрутки.

Он разложил бумаги на кухонном столе. Лида не стала читать текст. Сначала посмотрела на края листов, на отверстия от степлера, на порядок дат. Привычка, оставшаяся от работы: до смысла всегда шёл предмет. Акт был распечатан на дешёвой серой бумаге, подписи сделаны одной синей ручкой, но с разным нажимом. Фотографии — цветные, четыре на странице. На верхнем снимке дверь была ещё со старым латунным замком. На нижнем — со свежим серебряным.

Дата вскрытия стояла двадцать третье августа. Дата установки замка — двадцать четвёртое.

— Кто находился в квартире ночью между этими датами?

— Никто. Опечатали.

— Печать есть на фото?

Павел наклонился. На снимке от двери к косяку тянулась белая полоска, но надпись не читалась.

— Должна быть в управляющей. Вы архивист?

— Реставратор.

— Ваш отец говорил, вы старые книги спасаете.

— Отец говорил, что она лечит бумагу, — вставила Даша.

— Книги она почти не трогает.

Лида посмотрела на дочь. В голосе Даши впервые за день появилось что-то живое. Не раздражение, не дорожная усталость, а привычное желание поправить неточность. Павел кивнул серьёзно, словно получил важную справку.

— Значит, документы в надёжных руках. Тут, кстати, почта накопилась. Я сложил в нижний ящик секретера. Рекламу выбросил.

Теперь Лида всё-таки испугалась. Не резко, не до дрожи. Страх возник как тонкая холодная прослойка между кожей и одеждой.

— Вы разбирали почту?

— Конверты не открывал. Из ящика торчало, любой мог вытащить. Лидия Сергеевна, давайте сразу договоримся: если моя помощь лишняя, я не обижусь. Ключ вернул, бумаги передал. Телефон оставлю. Но сначала покажу течь, чтобы ночью вас потолком не накрыло.

Он умел отступать ровно настолько, чтобы отказ стал похож на каприз. Лида узнала этот приём не по словам, а по

собственному движению: она уже хотела сказать, что не обвиняет его, хотя обвинения не произнесла.

— Покажите.

В маленькой комнате потолок над окном покрылся жёлтым пятном. Обои отстали и свернулись наружу, открывая серую стену. На подоконнике стояли три таза. Все были сухими. Павел коснулся батареи, потом крана.

— Стояк перекрывали. Сейчас давление дали, но вентиль старый. Сантехник придёт завтра между девятью и одиннадцатью. Я ему сказал, что вы дома.

— Завтра Даша идёт в школу, а мне нужно в архив.

— Тогда оставите ключ мне или соседке. Только не Нине Аркадьевне напротив: у неё давление, может забыть.

— Мы перенесём мастера.

— Перенесём, — легко согласился Павел. — Дело хозяйское.

Даша внесла фикус и поставила на подоконник рядом с тазами.

— Я тут не буду спать.

— Это папина бывшая комната, — сказала Лида.

— Поэтому и не буду.

Они ещё в машине решили, что Даша займёт маленькую комнату. Большая была проходной, с балконом, и Лида собиралась спать там на раскладном диване, пока не разберут вещи. Спорить сейчас означало бы признать, что никакого решения не было. Только план Лиды, выданный за общий.

— Выбирай потом. Сначала занесём всё.

— Я могу помочь, — сказал Павел. — Машина где, у арки?

— На внешней стороне дома.

— Зря. Во дворе место оставили.

— Кто оставил?

— Я попросил ребят не занимать у песочницы. Вы же с вещами.

Даша посмотрела на Лиду поверх листьев фикуса. В её взгляде был вопрос, который она не стала задавать при Павле: кто ещё знал?

— Мы справимся сами, — сказала Лида.

— Конечно. Тогда я мастера встречу внизу и подниму. Он позвонит мне минут за десять.

— Нет. Пусть звонит мне.

Лида взяла телефон со стола, нашла в акте номер и внесла его в контакты. Потом набрала. За стеной, в большой комнате, что-то коротко завибрировало.

Все трое услышали.

Павел первым пошёл на звук. На подоконнике за шторой лежал чёрный телефон с треснутым углом. Экран засветился: «Лидия Сергеевна».

— Вот растяпа, — сказал Павел. — Вчера уронил, искал по всему двору.

Он поднял телефон, сбросил вызов и показал экран Лиде, будто этим объяснял его присутствие.

— Вы были здесь вчера?

— Проверял, высохло ли. Ключ-то был у меня. Видите, как хорошо, что зашёл, а то сел бы аккумулятор и пропал аппарат.

— Вы оставили телефон за шторой.

— Ставил на зарядку. Розетка там. Видимо, соскользнул.

Провод зарядки действительно тянулся от розетки, но к телефону не был подключён. Павел смотал его, положил в карман вместе с аппаратом и впервые перестал улыбаться. Не рассердился — просто лицо стало обычным, утомлённым.

— Понимаю, как выглядит. После пустой квартиры любой след неприятен. Замок сегодня поменяем, старую личинку отдам вам. Больше без звонка не войду.

— Больше у вас не будет ключа.

— Именно это я и сказал.

Он прошёл в прихожую, аккуратно обогнул коробку и на пороге надел улыбку обратно.

— Мастера зовут Костя. Если не хотите, чтобы я поднялся, он придёт один. Домофон пока открывается через звёздочку и восемь, но код вечером сменят. Новый пришлю.

— Куда пришлёте?

— На ваш номер. Он в заявке.

Дверь за ним закрылась без хлопка. Лида сразу повернула нижний замок. Новый верхний остался открытым: синий ключ лежал на кухонном столе.

Несколько секунд они с Дашей молчали.

— Он заряжал телефон выключенным проводом, — сказала Даша.

— Возможно, провод выскочил.

— Конечно.

Даша вернулась к лифту. Лида пошла следом, но дочь нажала кнопку и придержала дверь ладонью.

— Я принесу чемоданы. Ты можешь проверить, не живёт ли кто-нибудь под кроватью.

— Даш.

— Я серьёзно. Тут человек ходил по квартире вчера и знает, где мы припарковались. А ты делаешь голос, которым объясняла бабушке, что Виктор просто случайно оказался у клиники.

Створки начали давить на её ладонь. Даша убрала руку, и лифт закрылся.

Лида осталась на площадке. Из квартиры за спиной тянуло холодом. Она вернулась внутрь и закрыла верхний замок синим ключом. Два оборота. Потом открыла и закрыла ещё раз, проверяя ход. Личинка была дешёвая, обычная. На внутренней стороне двери у замка виднелась полоска свежей древесной пыли, которую никто не стёр.

Она достала телефон и набрала управляющую компанию. Музыка в ожидании играла почти четыре минуты. Потом ответила женщина с сонным голосом.

— Заявка по квартире двадцать семь, дом двенадцать, —

сказала Лида. — Сегодня должен прийти мастер менять замок. Назовите его фамилию и время.

Клавиши застучали.

— По двадцать седьмой на сегодня заявок нет. Завтра сантехник, окно с девяти до семнадцати.

— Утром мне сказали с девяти до одиннадцати.

— Мы такие короткие окна не даём.

— Кто передал председателю дворового совета время моего приезда?

— Какого совета?

Лида назвала Павла. Женщина попросила подождать. Музыка заиграла снова, теперь громче, потому что Лида включила внешний динамик. На пятом этаже остановился лифт, кто-то покашлял, затем кабина поехала вниз.

— У нас нет сотрудника с такой фамилией, — сказала диспетчер, вернувшись. — Контакт по дому — старшая подъезда Тамара Ильинична. Ваш номер заканчивается на сорок два?

— Да.

— Указан в сегодняшнем обращении. Доступ с семнадцати часов. Больше ничего. Сведения третьим лицам мы не передаём.

— Кто видел обращение?

— Диспетчер и мастер после назначения. Мастер ещё не назначен. Оставить жалобу?

Лида посмотрела на файл с актами. Жалоба означала но-

мер, дату и хотя бы одну запись, которую нельзя будет потом заменить дружелюбным объяснением.

— Оставьте. И пришлите номер обращения сообщением.

Когда она закончила разговор, Даша уже стояла в дверях с чемоданом. Наверное, слышала последние слова, но не спросила. Вместе они вытащили вещи из лифта, спустились за оставшимися коробками и трижды прошли от машины к подъезду. Место у песочницы действительно пустовало. По обе стороны от него стояли пластиковые бутылки с водой, выставленные как столбики. Лида заметила это со второго этажа.

На третьем круге у окна первого этажа шевельнулась штора. На четвёртом балконе мужчина в майке курил, хотя моросил дождь. У подъезда женщина с таксой поздоровалась с Дашей по имени.

— Мы знакомы? — остановилась Даша.

— Павел сказал, у нас девочка въезжает, — ответила женщина. — Я Галя, из тридцать первой. Если ключи потеряешь или мама задержится, звони в любой домофон, тут своих не бросаем.

Такса обнюхала край коробки и чихнула.

— Спасибо, — сказала Лида раньше дочери.

В квартире они закрыли дверь на оба замка и придвинули к стене чемоданы. Даша выбрала большую комнату, не обсуждая. Она сняла с дивана покрывало, свернула его внутрь пыльной стороной и открыла балконную дверь.

— Не настужь, холодно.

— Тут куревом пахнет.

— Папа не курил в комнате.

— Значит, полезный человек курил.

Лида хотела возразить, но запах опять появился — слабый, настоящий. Она прошла на балкон. В стеклянной банке на полу лежали три окурка с белыми фильтрами. Отец курил дешёвые сигареты с коричневыми. Лида сфотографировала банку, затем каждый подоконник, комнаты и внутреннюю сторону входной двери.

— Зачем? — спросила Даша.

— Чтобы помнить, как всё было при въезде.

— Ты и раньше так делала?

Вопрос был задан ровно. От этого он больше попадал в то время, о котором они обе старались не говорить в первый день. После той ночи Лида фотографировала дверь Дашиной комнаты, выключенный роутер, окна. Тогда ей казалось, что снимки докажут: всё спокойно, дочь дома, ничего не случится. Потом Виктор показал эти фотографии адвокату как доказательство контроля.

— Нет, — сказала Лида. — Раньше я фотографировала не то.

Даша прикусила губу и отвернулась к балкону.

В шесть часов раздался звонок в дверь. Не домофон — сразу короткая трель над прихожей. Лида посмотрела в глазок. На площадке стоял молодой мужчина в сером комбине-

зоне с пластмассовым чемоданчиком. Один.

— Костя, замки.

Она открыла, оставив цепочку. Цепочка была отцовская, тонкая, декоративная. При желании её можно было вырвать одним движением.

— Кто вас вызвал?

— Палыч. Сказал, хозяйка приехала, надо срочно личинку сменить. Уже оплачено.

— Кем?

— Им, наверное. Мне без разницы. Вот заказ.

Он поднял телефон. На экране была переписка с контактом «Павел Двор». Сообщение отправили в 14:17: «После 18:00, кв. 27. Хозяйка Лидия, дочь. Старую отдать в руки».

Лидя почувствовала, как Даша подошла сзади. Не близко, остановилась в дверях большой комнаты.

— Можно я сфотографирую заказ?

Мастер пожал плечами и поднёс экран ближе.

— Только мой номер не снимайте.

Лидя сделала снимок так, чтобы номер не попал в кадр.

— Поставите ту личинку, которую выберу я. Оплачу сама.

Павлу деньги верните.

— Он мне за три заказа разом кинул. Как я ему часть верну?

— Это ваш расчёт с ним. Сколько стоит работа?

Костя назвал сумму, открыл чемоданчик и показал четыре цилиндра в коробках. Лидя выбрала не самый дорогой, а

тот, у которого упаковка была запечатана. Мастер разрезал пластик при ней. Она не выпускала из виду связку: пять ключей на стальном кольце. Два убрала в кошелёк, один отдала Даше, остальные запечатала в маленький конверт из коробки с документами и расписалась поперёк клапана.

— Старая личинка, — напомнила она.

Костя протянул серебряный цилиндр. На боку была царапина, будто его уже зажимали пассатижами. Лида завернула деталь в чистый пакет.

— Вы недавно её ставили?

— Не я. Китайская. Могли один раз поставить, могли десять. По ней не скажешь.

Когда мастер ушёл, Даша заперла дверь своим ключом. Проверила дважды.

— Теперь нормально? — спросила Лида.

— Теперь у нас пять ключей, и мы видели все пять. Это лучше.

Она сказала «у нас», и Лида удержалась, чтобы не обнять её. Даша не выносила благодарность за простые вещи, особенно после развода. Любое тепло между ними могло превратиться в доказательство на чужом суде: выбрала маму, простила маму, осталась с мамой. Даша хотела просто иметь ключ.

Они заказали лапшу из кафе у метро. Пока ждали курьера, Лида вымыла два стула и край стола. В нижнем ящике секретера действительно лежала почта: счета, уведомление

нотариуса, открытка от отцовского сослуживца. Рекламы не было. Конверты сложили по размеру, адресами вверх. Кто-то потратил время, чтобы сделать это аккуратно.

Среди них Лида нашла пустой конверт без марки. На лицевой стороне отец написал её прежнюю фамилию — Корнеева — и ниже одно слово: «лично». Клапан был разорван неровно. Внутри ничего.

— Может, он не успел вложить, — сказала Даша.

— Может.

Лида провела пальцем по вдавленной линии на конверте. Под словом «лично» проступали слабые следы другого текста, написанного на верхнем листе блокнота. Папа часто подкладывал конверты под бумагу, чтобы ручка не продавливала скатерть. В мастерской Лида могла бы снять рельеф боковым светом, но сейчас у неё были только фонарик телефона и кухонная лампа.

Она положила конверт в прозрачный файл, отдельно от актов.

Телефон завибрировал. На экране высветилось имя Виктора.

«Доехали?»

Лида не ответила сразу. По их временному соглашению Даша должна была сама сообщать отцу о дороге. Виктор не должен был спрашивать Лиду, если дочь была на связи.

Следом пришло второе сообщение.

«С новым замком не экономя. Китайский цилиндр вскры-

вается отвёрткой».

Лида перечитала фразу. Потом посмотрела на пакет со старой личинкой, лежавший у раковины. Костя назвал её китайской двадцать минут назад. Даша всё это время была рядом и телефон из кармана не доставала.

— Ты папе писала про замок?

Даша медленно повернула голову.

— Я написала, что мы приехали. В половине шестого.

— Фото отправляла?

— Нет.

— Павла упоминала?

— Нет. А что?

Лида показала экран. Даша прочитала оба сообщения и вернула телефон.

— Спроси, откуда знает.

— Если спросить сейчас, он поймёт, что мы заметили.

— А если не спросить, он решит, что может говорить всё что хочет.

Они смотрели друг на друга через кухонный стол, на котором лежали документы Павла, пустой отцовский конверт и пять палочек для лапши, положенных курьером по ошибке. Лида вдруг ясно увидела, как легко снова сделать страх правилом для дочери: не пиши, не спрашивай, не выходи, выключи телефон. Так было бы проще. Так уже было.

— Ты можешь спросить сама, если хочешь, — сказала она.

— Но не обязана быть посредником.

Даша достала свой телефон. Несколько секунд печатала, потом показала сообщение до отправки: «Пап, кто сказал тебе про замок?»

Лида кивнула. Даша нажала стрелку.

Ответ пришёл почти сразу.

«Павел. Я попросил его помочь вам с квартирой. Не делайте из нормальной заботы проблему».

Даша положила телефон экраном вниз.

— Ты знала, что они знакомы?

— Нет.

— Он знал про наш приезд от папы, а не от диспетчера.

— Похоже на то.

— И место во дворе оставил папа?

— Это мы узнаем.

— Только не говори, что всё под контролем.

— Не скажу.

Лида подошла к окну. Кухня выходила во двор, как и окна ещё трёх домов. В ранних сумерках загорались прямоугольники комнат: жёлтые, белые, голубые от телевизоров. На пятом этаже напротив женщина снимала бельё с сушилки. Выше ребёнок прижимал ладони к стеклу. Внизу Павел стоял у пустого места возле песочницы и разговаривал по телефону. Красный зонт он держал закрытым, хотя дождь усилился.

Он поднял голову.

Расстояние было слишком большим, чтобы различить выражение лица, но Лиде показалось, что он смотрит точно на

её кухню. Она не отступила. Потянулась к выключателю и погасила свет.

Стекло перестало быть зеркалом. Двор приблизился, каждое освещённое окно стало резче. В одном из них, на седьмом этаже напротив, сидела седая женщина и держала у глаз бинокль. Заметив Лиду, она опустила его и подняла ладонь в приветствии.

Лида не сразу, но ответила.

Глава 2. Окно напротив

В семь утра двор был почти бесцветным. Дождь прекратился, но вода ещё стекала с жестяных козырьков, и каждый редкий звук повторялся между четырьмя домами: хлопнула дверца машины, прокатился по асфальту пустой флакон, на детской площадке скрипнула качеля.

Лида проснулась на диване в одежде и не сразу поняла, где находится. За ночь батареи так и не нагрелись. Плед сполз на пол, шея болела, а правая ладонь лежала на телефоне. На экране светилось сообщение от управляющей компании с номером жалобы и ещё одно, без подписи:

«Доброе утро. Код домофона 2486. Павел».

Она сохранила номер как «Павел Меркулов», сделала снимок экрана и только после этого заметила три пропущенных от Виктора. Последний вызов был в 00:43.

На кухне Даша сидела на подоконнике, обхватив кружку обеими руками. Фигус Леонид стоял на табурете; сломанный лист дочь привязала к палочке ниткой.

— Ты спала? — спросила Лида.

— Нормально.

Это означало «не спрашивай». На столе лежал раскрытый учебник алгебры и лист с расписанием. До старой школы Даши было сорок минут на автобусе, потом двенадцать на метро. Виктор предлагал оставить дочь в прежней квартире в

центре хотя бы до конца четверти. Даша отказалась, но теперь доказывала, что дорога не помешает учёбе, словно переезд был её проектом.

— Я провожу до остановки.

— Мне пятнадцать.

— Я знаю.

— Тогда зачем?

Лида подошла к чайнику, сняла крышку и заглянула внутрь. Вода оставалась со вчерашнего вечера. Отец всегда говорил, что кипятить старую воду нельзя, будто за ночь она приобретала тайные вредные свойства. Лида вылила её и налила новую.

— Хочу посмотреть дорогу. Не проводить тебя за руку.

— Посмотри из окна. Тут для этого окна.

Даша сказала без улыбки. Лида нажала кнопку чайника и не ответила. За стеклом двор медленно заполнялся людьми. Женщина в красном пуховике тянула мальчика к арке. Дворник сгребал мокрые листья в чёрный мешок. У мусорных баков стоял белый фургон без надписей; водительская дверь была открыта, но человека рядом не было.

Окно напротив, где вчера сидела седая женщина, теперь закрывала кружевная занавеска. Между их домами было метров семьдесят. Различить лицо без бинокля невозможно, но движение за стеклом читалось ясно: кто-то поднял руку, поправил штору, включил лампу.

Даша захлопнула учебник.

— Если пойдёшь, не надо делать вид, что случайно идёшь в ту же сторону.

— Хорошо.

— И не стой у школы.

— Хорошо.

— Ты на всё согласна, потому что всё равно сделаешь по-своему?

Лида повернулась к ней.

— Я дойду с тобой до остановки, посмотрю номер автобуса и вернусь. У школы меня не будет. Телефон у тебя останется включённым, потому что это твой телефон, не потому что я проверяю. Так достаточно точно?

Даша подумала и кивнула.

Они вышли без десяти восемь. На лестничной площадке Лида попробовала ручку двери дважды, но удержалась от третьего раза. Даша заметила, ничего не сказала. Внизу новый код домофона не сработал. После второй попытки дверь открылась сама, и на пороге возник Павел с бумажным стаканом кофе.

— Я не успел предупредить, — сказал он. — Код поменяли ещё раз. Подростки выложили старый в сеть.

— Когда?

— Ночью. Теперь две тысячи сто семь. Я всем разошлю.

— Не надо мне рассылать. Я возьму брелок в управляющей компании.

Павел придержал дверь, пропуская Дашу.

— До школы? Могу подбросить. Мне к вокзалу.

— Нет, спасибо, — сказала Даша.

— Автобус сейчас ходит через раз. На проспекте ремонт.

— Мы выйдем раньше.

Он снова говорил не с ней, а с Лидой. Даша шагнула во двор, и Лида пошла следом.

— Павел, кто дал вам мой номер и время приезда?

— Виктор Сергеевич. Вы же уже выяснили. — Он отпил кофе. — Надо было сразу сказать, согласен. Не хотел начинать знакомство с семейных подробностей.

— Какие ещё подробности он вам сообщил?

— Никаких, которые я собираюсь обсуждать с ребёнком. Даша остановилась у качелей.

— Ребёнок — это я? Папа обсуждает меня, но при мне нельзя говорить, что именно?

Павел впервые сбился. Совсем немного: прижал стакан к губам, хотя не пил.

— Я имел в виду ваш семейный спор. Он меня не касается.

— Тогда не надо было брать папины деньги за наш замок, — сказала Даша.

Она пошла к арке. Лида задержалась на секунду.

— Не связывайтесь с мастерами и службами от моего имени. Не входите в квартиру. Не собирайте для нас сведения у соседей.

— Принял. — Павел кивнул. — Но если увидим опас-

ность, молчать не станем. Во дворе за детей все отвечают.

— За Дашу отвечаем мы с её отцом. В пределах закона и её возраста.

— Конечно.

Его согласие прозвучало так же безупречно, как вчера. Лида догнала дочь у арки.

За двором начиналась обычная утренняя улица: магазин выгружал ящики с хлебом, машины ползли к перекрёстку, на остановке спорили две женщины. Белый фургон выехал следом, повернул в противоположную сторону и скрылся. Лида успела заметить только последние цифры номера — сорок семь.

— Он не нравится мне не потому, что помогает, — сказала Даша, не оборачиваясь. — А потому, что каждый раз говорит так, будто мы уже согласились.

— Мне тоже.

— Папа так делает.

Автобус показался за перекрёстком. Даша прибавила шаг.

— Напиши, когда доберёшься, — сказала Лида.

Дочь посмотрела на неё.

— Это просьба или правило?

Лида почувствовала, как внутри поднимается готовый ответ: пока живёшь со мной, обязана сообщать. Он был простым, привычным и почти разумным.

— Просьба. Если не напишешь, я не стану звонить в школу. Подожду до конца первого урока и отправлю одно сооб-

щение.

— Ладно.

Даша вошла в автобус. Через мутное стекло подняла телефон, словно показывала: он при ней. Лида не пошла вдоль борта и не пыталась увидеть, где дочь села. Осталась возле киоска, пока автобус не отъехал, и повернула домой.

У арки её ждала женщина из окна напротив.

На ней было длинное коричневое пальто, застёгнутое на все пуговицы, и вязаная шапка цвета горчицы. Вблизи она казалась меньше, чем за стеклом: узкие плечи, сухие руки, прозрачная кожа на скулах. Бинобль висел на груди в потёртом кожаном футляре.

— Лида Воронова, — сказала она не спрашивая. — А я Нина Белова. Нина Аркадьевна, если по старой памяти. Ты меня не помнишь.

Лида всмотрелась. В памяти возникло не лицо, а жест: чья-то рука выдавала через кассовое окошко билет и две монеты сдачи. Отец водил её на электричку к бабушке, когда вокзал ещё не перестроили.

— Вы работали на станции?

— В пригородных кассах. Сорок два года. Твой отец иногда приносил мне яблоки. Не за билет, не подумай. У него дача была урожайная, а выбрасывать не умел.

— Помню ящики на балконе.

— Вот и хорошо. Значит, память на месте.

Нина Аркадьевна сказала это буднично, но Лида услы-

шала второй смысл. За последние месяцы Виктор несколько раз спрашивал при Даше, не забывает ли Лида встречи, лекарства, выключенный утюг. После бессонной недели она действительно перепутала время у семейного психолога. Одной ошибки хватило, чтобы каждое следующее воспоминание приходилось защищать.

— Вы вчера смотрели в нашу сторону, — сказала Лида.

— Смотрела. И ты смотрела. Здесь все смотрят, только не все здороваются.

Нина Аркадьевна указала тростью на скамью под голой липой.

— Присядем? Я не для допроса. Ноги утром деревянные.

Лида села рядом. От пальто Нины пахло аптечной мазью и лавандовым мылом.

— Павел сказал, у вас давление и вы можете забыть, — сказала Лида.

— Давление у меня есть. Забыть тоже могу. Поэтому записываю. — Нина похлопала по карману. — А Павел любит, чтобы чужая слабость работала у него в штате.

— Вы с ним ссорились?

— Нет. Ссора — это когда двое говорят друг другу лишнее. Я ему говорю только необходимое.

Она открыла футляр, вынула бинокль и протёрла линзы платком.

— Видишь ваш подъезд? Из моего кухонного окна — целиком. Но крыльцо закрывает липа. Из спальни крыльцо

видно, зато арку не видно. Галя с таксой видит арку и мусорные баки, но не подвал. С девятого этажа второго дома видно крышу фургона, а номер не прочтёшь. Никто не видит весь двор.

— Кроме Павла?

— Павел тоже не видит. Он спрашивает всех, а потом рассказывает каждому, будто увидел сам.

Нина передала Лиде бинокль. Тот оказался тяжёлым, с холодным металлическим колёсиком. Лида подняла его к глазам. Собственное кухонное окно приблизилось рывком. На подоконнике виднелась кружка Даши, рядом фикус. Отсюда можно было понять, горит ли свет, открыта ли штора, стоит ли кто-то у окна. Прочитать сообщение на телефоне было нельзя. Различить выражение лица — тоже.

— Зачем вам бинокль?

— Птиц смотрела, когда зрение было лучше. Теперь двор. Не круглые сутки, если это тебя тревожит. У меня сериалы с восьми.

Лида опустила бинокль.

— Вы знали, что мы приедем?

— Вчера утром Павел сказал: дочь Сергея вернётся, надо помочь. После обеда сказал, что с девочкой. В четыре попросил не занимать место. В половине пятого Галя уже знала имя девочки.

— Вы записали время?

— Нет. Примерно говорю. Если записала — сказала бы

точно.

Это различие понравилось Лиде больше, чем сама информация.

— А Виктора Корнеева вы знаете?

Нина сложила платок в четыре раза.

— Высокий, в серой машине? Приезжал летом. Два раза, может, три. С Павлом ходили в подвал. Один раз поднимались к вам.

— В квартиру?

— Этого не видела. Видела, как вошли в подъезд. Вышли минут через двадцать. Твой муж нёс синюю папку.

— Бывший муж.

— Учту.

— Когда это было?

— После грозы, до того как дверь вскрывали. Кажется, девятнадцатого августа. У меня календарь дома. Я в тот день ждала врача и записала машину, чтобы не перепутать с медицинской.

Лида сжала ремешок бинокля. В квартире отца хранилась синяя папка с документами на жильё: старое свидетельство, план, квитанции за капитальный ремонт. После похорон Лида видела её в секретере. Вчера папка лежала там же, но она не проверила содержимое.

— Можно посмотреть запись?

— Можно. Только сначала скажи: ты хочешь узнать, что я видела, или хочешь, чтобы я подтвердила твою версию?

Вопрос прозвучал без недоверия, почти мягко.

— Что вы видели.

— Тогда пойдём.

Они пересекли двор. Павел стоял у первого подъезда и разговаривал с дворником. Увидев женщин, поднял стакан в приветствии.

— Нина Аркадьевна, вы Лидию Сергеевну в свою разведку вербуете?

— В кассу, Паша. Билет до правды, плацкарт боковой.

Дворник засмеялся. Павел тоже. Лида заметила, что Нина не остановилась и не дала ему продолжить.

В доме напротив пахло варёной капустой и свежей краской. Лифт не работал. На седьмой этаж Нина поднималась медленно, но от помощи отказалась. На каждой второй площадке стоял стул — разные, будто жильцы вынесли их по очереди. Нина садилась на минуту, считала вдохи и снова вставала.

— Павел поставил? — спросила Лида на пятом этаже.

— Стулья? Один он. Остальные люди сами подхватили. Полезное дело от этого хуже не становится. Просто стул не даёт права знать, кто ко мне приходит.

Квартира Нины была тёплой и очень светлой. На кухне всё стояло вдоль стен, освобождая подход к окну. На холодильнике магнитами крепились расписание лекарств, телефон поликлиники и листок «Не открывать газовщикам без заявки». Рядом висел календарь с крупными клетками.

Нина сняла его, положила на стол и открыла август.

В клетке девятнадцатого числа было написано: «Врач 11:00–14:00. Серая 537 у 3 п. 12:18. П.М. + высокий, синяя папка 12:41».

— П.М. — Павел Меркулов?

— Да.

— Плюс высокий?

— Тогда фамилии не знала.

— А время выхода?

— В двенадцать сорок одна минута я их увидела уже у машины. Когда вошли, не записала. Поэтому двадцать минут — моя догадка. Могли быть пять, могли сорок.

Лида достала телефон.

— Можно сфотографировать?

Нина закрыла календарь ладонью.

— Нет.

— Почему?

— Потому что там врачи, лекарства, когда меня нет дома и кто ко мне приходит. Это моя жизнь, а не приложение к твоей беде.

Лида убрала телефон.

— Простите.

— За вопрос не надо. За фотографию без ответа пришлось бы.

Нина переписала три строки на отдельный лист, поставила дату и подпись.

— Вот это возьми. Здесь только то, что касается твоего подъезда. Если понадобится официально, повторю. Если память не подведёт — сверюсь с календарём.

Лида приняла лист. Бумага была в клетку, вырвана из дешёвой тетради. Нина написала шариковой ручкой, уверенно, без исправлений.

— Вы всегда фиксировали машины?

— На станции без времени и номера ты никто. Люди приходили: я точно положила кошелёк в кассе, вы обязаны найти. А у меня смена, окно, поезд и триста лиц. Запись не делает человека честным. Она не даёт ему перепутать уверенность с фактом.

Нина поставила чайник. Лида подошла к окну.

Отсюда её квартира выглядела слишком открытой. Видна была вся кухня до двери в коридор. Если стоять справа, можно заметить часть большого дивана. Лида вспомнила, как ночью ходила за водой в майке, как оставила на столе документы, как фотографировала банку с окурками.

— Штору купи плотную, — сказала Нина за спиной. — Только не думай, что это решит всё. Когда окно гаснет, люди тоже делают выводы.

— Какие?

— Какие им подскажут. Что спишь. Что ушла. Что прячешься. Само окно ничего не говорит.

Чайник щёлкнул. Нина достала две чашки, но Лида отказалась: ей нужно было проверить папку и успеть в архив к

одиннадцати.

— Вы сказали, Виктор приезжал два или три раза.

— Два раза видела точно. Третий — похожая машина. Не стану прибавлять.

— Если снова увидите его или Павла у нашего подъезда, позвоните мне?

Нина помолчала.

— Если увижу что-то опасное — позвоню. Если человек просто вошёл в подъезд, запишу для себя. Я не хочу работать твоим вторым окном.

Лида почувствовала стыд. Просьба казалась такой естественной, пока Нина не назвала её точно.

— Вы правы.

— Это редко бывает целиком. Дай номер.

Они обменялись телефонами. Нина попросила Лиду самой внести имя и не продиктовала номер вслух у открытой форточки.

Вернувшись домой, Лида первым делом задвинула кружевную штору, оставшуюся от отца. Ткань была тонкой, силуэты всё равно просвечивали. Потом открыла секретер.

Синяя папка лежала под стопкой газет. На обложке отец написал: «Квартира. Не выбрасывать». Внутри сохранились свидетельство о собственности, кадастровый план, договор на замену счётчика и квитанции. Не было завещания и нотариальной копии, которую Лида видела после похорон. Возможно, документы забрала она сама и положила в коробку,

перевезённую к Виктору. Возможно, передала адвокату. Последний год разошёлся по чужим шкафам и электронным письмам.

Лида сфотографировала содержимое по порядку, не вынимая скрепок. На внутренней стороне обложки остался прямоугольный след: там долго лежал лист меньшего формата. Клейкая закладка была оторвана, но под ней сохранилась пыльная полоса.

Она позвонила Ирине Громовой.

— Если ты спрашиваешь, мог ли Виктор законно войти в квартиру твоего отца до оформления наследства, ответ зависит от согласия владельца и обстоятельств, — сказала адвокат после короткого приветствия. — Но отец уже умер, а Виктор не наследник. Был ключ?

— У Павла был. Возможно, ещё до вскрытия.

— Не строй цепь из «возможно». Что знаешь точно?

Лида перечислила запись Нины, сообщение Виктора и замену замка.

— Хорошо. Сохрани отдельными файлами, подпиши датой получения. Не проси соседку вести слежку и не забирай её календарь. Сделай перечень отсутствующих документов, но сначала проверь свои коробки и моё дело. Копия завещания у меня есть.

— Значит, он мог взять только копию.

— Или ничего не взять. Синяя папка в руках ещё не означает твою папку. Лида, тебе сейчас особенно нельзя запол-

нять пустоты самым страшным объяснением.

— Я знаю.

— Нет, ты умеешь это говорить. Знать будешь, когда оставишь пустоту пустой до появления факта.

Ирина обещала вечером прислать перечень документов из дела. Лида положила лист Нины в новый прозрачный файл и подписала карандашом: «Получено 18 октября, 09:12». Затем переписала на отдельном листе то, чего не нашла в папке. Не «украдено», а «не обнаружено».

В 09:24 Даша прислала: «На месте. Первый уже идёт».

Лида ответила одним поднятым большим пальцем и не стала спрашивать, почему сообщение пришло после начала урока. Убрала телефон в сумку, достала рабочую одежду и только тогда увидела за окном белый фургон.

Он стоял теперь у арки, задними дверями к её дому. Номер закрывала налипшая грязь, но последние цифры были те же — сорок семь. Рядом Павел разговаривал с женщиной в чёрной шапке. Мужчина открыл боковую дверь, достал бухту кабеля и понёс к подвалу.

Лида посмотрела на часы: 09:31. Записала время на листе и сразу зачеркнула. Потом сфотографировала фургон из окна. На снимке номер расплылся, лица не различались. Это было ровно то, о чём говорила Нина: кусок, не целое.

Она не могла опоздать в первый рабочий день. Архив согласился вернуть ей прежнюю должность при условии, что она закроет накопившийся заказ по купеческим книгам за

месяц. Работа была не только зарплатой. Виктор в последнем заявлении адвоката написал, что после переезда Лида «утратила стабильную занятость». Если сегодня она останется у окна, фраза станет немного правдивее.

Лида закрыла секретер, проверила замок на балконе и вышла. У подъезда фургона уже не было. Павел стоял на колесах возле домофона и прикручивал металлическую панель.

— Новый ключ получите вечером, — сказал он. — Паспорт не нужен, квартира в списке.

— Кто составляет список?

— Старшая подъезда. Я только помогаю.

— Там есть мой номер телефона?

— В домофонной базе есть контакт собственника. Так положено.

— Собственник мой отец умер. Я ещё не передавала им новый контакт.

Павел выпрямился, держа отвёртку.

— Значит, из заявки управляющей. Лидия Сергеевна, я вчера извинился. Номер мне дал Виктор. Код отправил, потому что вы живёте здесь. Где угроза?

— Пока я задаю вопрос об источнике. Угрозой его называете вы.

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Профессиональная привычка?

— Обычная.

— Не для нашего двора.

Лида прошла к арке. Она чувствовала его взгляд до самого поворота и злилась на себя за желание обернуться.

В архиве пахло крахмальным клеем, хлопковой ветошью и старой пылью — запахом, в котором всё имело известную причину. Заведующая Лариса Петровна показала Лиде стол, коробки с книгами и журнал состояния. Никто не спросил о разводе. Никто не знал, что она спала в одежде. Повреждения называли своими именами: разрыв по сгибу, утрата угла, след влаги, поздняя подклейка.

До обеда Лида промывала листы и почти не смотрела на телефон. В 12:16 Виктор написал: «Павел говорит, ты конфликтуешь с соседями. Не начинай опять войну со всеми вокруг».

Она положила аппарат экраном вниз. Через минуту перевернула и сделала снимок сообщения. Не ответила.

В половине третьего позвонила Даша.

— У нас последний отменили. Я еду домой.

— Хорошо.

— Ты где?

— В архиве. Буду после шести.

— Я могу зайти к Алине, если не хочу сидеть одна?

Лида знала Алину, школьную подругу Даши, и её мать. Раньше согласие не требовало усилия. Теперь перед глазами возникли арка, фургон и Павел с отвёрткой.

— Можешь. Напиши адрес, если пойдёшь не к ним домой.

— К ним. Вернусь к семи.

— Договорились.

Пауза длилась секунду.

— Ты точно не против?

— Точно.

После звонка Лида заметила, что сжимает ватный тампон так сильно, что вода течёт по перчатке. Она выбросила его и взяла новый.

В шесть вечера кухонное окно Нины Аркадьевны горело янтарным светом. Сама Нина сидела боком к стеклу и смотрела телевизор, как обещала. Лида поднялась домой, проверила сообщения: Даша написала адрес и фотографию Алиной кошки. В квартире ничего не изменилось. Только у двери на полу лежал новый брелок домофона в конверте.

На конверте было напечатано: «Воронова Лидия Сергеевна, кв. 27». Ни марки, ни подписи. Кто-то вошёл в подъезд и просунул его под дверь.

Лида надела перчатки, потом рассердилась на себя и сняла. Обычный конверт не был уликой преступления. Она вскрыла его ножом. Кроме брелока внутри лежала карточка с номером Павла и словами: «Если Даша забудет ключ — звонить в любое время».

Лида разорвала карточку пополам, но не выбросила. Сложила куски в ящик стола.

В 19:07 Даша написала: «Вышла». В 19:26: «У метро». В 19:41 ключ повернулся в замке.

— Я не просила три сообщения, — сказала Лида, встре-

тив её в прихожей.

— Я знаю. Мне так спокойнее.

Даша сняла куртку. На её волосах блестели капли дождя.

— У подъезда опять тот дядька с собакой спрашивал, в какую школу я езжу.

— Какой дядька?

— Не знаю. Серый пуховик, маленькая чёрная собака. Сказал, что живёт во втором подъезде.

— Ты ответила?

— Сказала, что в школе. Очень смешно.

Лида хотела подойти к окну, найти мужчину, записать приметы. Вместо этого помогла дочери повесить мокрую куртку.

— Если он снова спросит что-то личное, можешь не отвечать и уйти. Но я не стану запрещать тебе возвращаться одной.

— Я и так знаю, что можно не отвечать.

— Хорошо.

Они разогрели оставшуюся лапшу. Даша рассказывала об учительнице, которая за каникулы перекрасилась в рыжий и делала вид, что никто не замечает. Лида слушала, хотя половина внимания оставалась у окна. После ужина они измерили проём для плотной шторы. Даша выбрала тёмно-зелёную, Лида записала размер.

В половине одиннадцатого Нина Аркадьевна выключила телевизор. Её кухня погасла. Даша ушла в большую комнату

и закрыла дверь, но не на ключ. Лида разложила на столе документы и попыталась прочитать акт о протечке.

В 23:18 телефон зазвонил.

— Не подходи к окну, — сказала Нина вместо приветствия.

Лида замерла.

— Что случилось?

— У вашего подъезда мужчина. Стоял под липой, когда Даша пришла. Сейчас вышел из арки и сфотографировал ваши окна. Потом подъезд. Теперь смотрит в телефон.

— Это Павел?

— Нет. Рост ниже, куртка светлая. Лица не вижу.

— Вы уверены, что фотографировал Дашу?

— Этого я не сказала. Когда она шла, он держал телефон в руке. Направил на неё или читал — не знаю. Окна снимал точно: поднял горизонтально, экраном к себе. Два раза.

Лида выключила кухонный свет и опустилась ниже подоконника. Сердце билось так, что голос приходилось выталикивать медленно.

— Он ещё там?

— Пошёл к третьему подъезду. Не выходи за ним.

— Я вызову полицию.

— Вызывай, если считаешь нужным. Но скажи только то, что знаем. Человек снимал дом с общественного двора. Не говори, что преследовал ребёнка, пока этого не видели.

Лида набрала экстренный номер. Оператор выслушал,

уточнил адрес, приметы и есть ли угроза проникновения. Обещал передать ближайшему наряду.

Даша появилась в дверях.

— Что?

Лида закончила разговор и заставила себя не произнести «ничего». Это слово всегда означало, что ребёнок должен угадать опасность по лицу взрослого.

— Нина Аркадьевна видела мужчину с телефоном у подъезда. Возможно, он снимал окна. Я вызвала полицию. Дверь закрыта.

— Это тот, с собакой?

— Не знаю. Она сказала, без собаки и в светлой куртке.

Даша подошла к окну. Лида схватила её за запястье раньше, чем успела решить.

Дочь посмотрела на её руку.

Лида сразу отпустила.

— Прости. Нина попросила не показываться у окна.

— Можно было сказать.

— Да.

Они сели на пол у кухонной стены. Так было видно нижнюю часть двора, но из дома напротив их нельзя было заметить. Под липой никого не оказалось. У арки мигала жёлтая лампа. Через пять минут во двор въехала полицейская машина, медленно прошла вдоль подъездов и остановилась у песочницы.

Почти одновременно в кухне напротив зажёгся свет. Ни-

на стояла у окна, уже без бинокля. Она не махнула рукой. Просто приложила ладонь к стеклу.

Даша заметила её.

— Это она звонила?

— Да.

— Она всё время смотрит на нас?

— Нет. И она сказала только то, что видела, не больше.

— Откуда ты знаешь?

Лида посмотрела на лист с записью о серой машине, на отдельный перечень отсутствующих документов, на сообщение Виктора, сохранённое в телефоне.

— Потому что сегодня она несколько раз отказалась сказать больше, чем знала.

В дверь позвонили. Лида взглянула в глазок: двое полицейских, а за их спинами стоял Павел в спортивных брюках и накинутой поверх футболки куртке.

— Я старший по двору, — донёсся его голос. — Покажу камеры.

Даша слышала тоже.

— Он всегда успевает первым?

Лида не ответила. Она накинула свитер, включила запись времени на телефоне и открыла дверь, не снимая цепочки.

Глава 3. Полезный человек

Цепочка натянулась, и дверь остановилась на ширине ладони.

Молодой полицейский первым наклонился к щели. На нагрудном знаке блеснула фамилия «Серов». Второй, старше, стоял у лифта и записывал что-то в телефон. Павел держался между ними, будто сам привёл наряд.

— Вы звонили? — спросил Серов.

— Я. Воронова Лидия Сергеевна.

— Откройте, пожалуйста. Поговорим.

Лида не сняла цепочку.

— Удостоверение покажите ближе.

Полицейский посмотрел на Павла, затем достал удостоверение. Лида прочитала имя, запомнила номер и открыла дверь. Даша осталась в кухне, но оттуда слышала каждое слово.

— Где снимали? — спросил старший.

— Во дворе. Я сама человека не видела. Позвонила соседка из дома напротив.

Павел коротко вздохнул.

— Нина Аркадьевна, — сказал он. — Она иногда принимает прохожих за наблюдателей. Возраст.

— Она ясно разделила, что видела, а чего не видела, — ответила Лида. — Мужчина дважды направлял телефон на

окна и подъезд. Был ли в кадре ребёнок, она не утверждает.

Старший поднял взгляд.

— Ребёнок какой?

— Моя дочь, пятнадцать лет. Когда она возвращалась, этот человек находился у подъезда и держал телефон. Мы не знаем, фотографировал ли он её.

— Конфликты есть? Угрозы?

Лида увидела, как Павел чуть повернул голову, ожидая ответа.

— Идёт семейный спор с бывшим мужем. Прямых угроз сегодня не было. Вчера выяснилось, что бывший муж заранее сообщил Павлу Меркулову время нашего приезда и попросил его помогать без моего согласия.

— Вот давайте без намёков, — сказал Павел. — Виктор Сергеевич попросил встретить женщину с ребёнком в пустой квартире. Я вызвал замочника и сантехника. Где преступление?

— Мы преступление пока не установили, — спокойно сказал старший. — Гражданка сообщает обстоятельства.

Он спросил номер Виктора и записал. Потом попросил Нину Аркадьевну спуститься или принять их у себя. Лида позвонила ей. Нина ответила, что откроет, но по лестнице ночью не пойдёт.

— Камеры покажу, — повторил Павел. — На первом подъезде обзор до арки, на третьем — площадка.

— У вас доступ? — спросил Серов.

— У домофонной фирмы. Я знаю пароль заявки.

— Тогда пойдёмте вместе.

Павел двинулся к лифту, но старший остановил его.

— Сначала опросим заявительницу без соседей.

На лице Павла ничего не изменилось. Он кивнул Лиде, словно они закончили приятный разговор, и вошёл в лифт один.

Полицейские остались на площадке. Лида не пригласила их в квартиру, и они не настаивали. Она ещё раз пересказала звонок Нины. Серов записал приметы: мужчина ниже Павла, светлая куртка, без заметной сумки, ушёл к третьему подъезду. Время — около 23:15. Старший спросил, почему Лида связывает это с бывшим мужем.

— Пока не связываю. Сообщаю, что у него есть человек во дворе, который собирает сведения о нас.

— Павел Меркулов?

— Да.

— Он вас преследовал, угрожал, пытался войти?

— Входил до нашего приезда. Ключ был у него после аварийного вскрытия. Вчера вернул. Сегодня без разрешения передал под дверь брелок домофона.

— Брелок — это не угроза.

— Я не называла его угрозой. Вы спросили о действиях.

Старший на секунду усмехнулся, но не насмешливо.

— Правильно. Так и держите: отдельно факт, отдельно предположение. Сейчас оснований искать человека всем

районом нет. Камеры посмотрим, обращение зарегистрируем. Если он появится снова, особенно рядом с дочерью, снимайте сами, звоните сразу. Не выходите выяснять.

Он продиктовал номер регистрации. Лида повторила, записала и показала экран, чтобы исключить ошибку.

Когда полицейские ушли к Нине, Даша вышла из кухни.

— Павел слышал номер папы?

— Нет, я показала на экране.

— А что они ему скажут?

— Не знаю.

— Он напишет папе раньше них.

Телефон Лиды завибрировал, будто ждал этой фразы.

«Ты вызвала полицию из-за человека с телефоном во дворе? Даше завтра в школу. Не втягивай её в спектакль».

Сообщение пришло от Виктора.

Даша прочитала через плечо.

— Три минуты, — сказала она.

— Что?

— Павел ушёл три минуты назад.

Лида сделала снимок экрана вместе с часами в верхнем углу. Затем открыла переписку с Павлом и написала: «Прошу не сообщать Виктору сведения о моих обращениях, перемещениях, посетителях и действиях Даши. Вы не уполномочены представлять наши интересы».

Павел ответил через минуту: «Я никому не сообщал о действиях Даши. Полиция приехала во двор с мигалками, это

видели десятки людей. Виктор сам позвонил мне, беспокоясь о дочери».

— Он не ответил про тебя, — сказала Даша.

— Да.

Лида переслала оба сообщения Ирине, выключила звук и убрала телефон в ящик. Они с Дашей легли далеко за полночь. Перед сном Лида поставила стул под ручку входной двери, потом убрала: при пожаре он помешал бы выйти. Вместо этого повесила на ручку пустую кружку. Если дверь откроется, кружка упадёт на пол.

Утром кружка висела на месте.

Даша ушла одна. Лида не провожала даже до окна. Она стояла в ванной и держала ладонь под холодной водой, потому что из смесителя не шла горячая. Старый кран над ванной подтекал, на эмали за ночь образовалась рыжая дорожка. В кухне батарея оставалась едва тёплой.

В 08:40 позвонил сантехник.

— По заявке на стояк. Я внизу, домофон не открывает.

Лида спросила фамилию, затем набрала управляющую компанию. Фамилия совпала, заявка существовала. Только после этого она открыла.

Сантехник оказался пожилым мужчиной в зелёной робе. Он прошёл в маленькую комнату, потрогал трубу и сказал, что стояк работает, а батарею забила ржавчина. Для промывки нужно снимать радиатор. Потом осмотрел ванную.

— Смеситель тоже ваш председатель просил глянуть?

— Я просила только батарею. И он не председатель моего жилья.

— Мне всё равно, — сказал сантехник. — Кран течёт. Прокладку поменяю за пять минут, раз пришёл.

Лида согласилась и осталась в дверях ванной. Мужчина достал ключи, перекрыл воду, снял ручку смесителя. В этот момент позвонили.

На площадке стоял Павел с новым полотенцесушителем в заводской плёнке.

— Это ещё зачем?

— Ваш сгнил у нижней гайки. Мастер вчера сказал. У меня оставался после ремонта в тридцать пятой, размер подходит. Бесплатно, жильцы купили общий комплект дешевле.

— Мастер не входил в ванную. Он менял замок.

— Не Костя. Аварийщики в августе отметили.

Лида не сняла цепочку.

— В акте полотенцесушителя нет.

— Значит, забыли. Хотите, унесу.

— Хочу.

Сантехник выглянул из ванной.

— Палыч, не тот размер. Тут дюйм с четвертью, а ты принёс дюймовый.

— Вот и разобрались. — Павел поднял свёрток. — Кстати, запись камеры за ночь есть. Мужчина попал со спины. Я отправил участковому.

— Мне отправьте тоже.

— Фирма жильцам записи не выдаёт. Персональные данные.

— Но вам выдала.

— Я контактное лицо по двору.

Лида закрыла дверь. Уже без объяснений.

Из ванной донёсся металлический стук.

— Зря вы с Палычем так, — сказал сантехник, когда она вернулась. — Он полдома зимой отогрел. Управляющая неделями ходит, а он сам сварщика найдёт, машину доставит.

— За это можно быть ему благодарным. И не пускать его в квартиру.

— Хозяйка — барыня.

Сантехник закончил, вытер край ванны своей тряпкой и попросил подписать наряд. Лида прочитала каждую строку. В графе «Дополнительные работы» значилась замена прокладки, бесплатно. Она вписала время окончания и сфотографировала лист.

После его ухода батарея начала нагреваться. Кран больше не капал. За одно утро проблема, на которую управляющая компания могла потратить неделю, действительно исчезла. Лида поймала себя на том, что ей хочется написать Павлу «спасибо» хотя бы за ускорение мастера. Не написала, потому что не знала, он ли ускорил. Позвонила диспетчеру и поблагодарила за исполненную заявку напрямую.

Потом занялась кухней. Отцовский холодильник гудел, но

морозилка обросла льдом. Под раковиной текло соединение сифона. Одна конфорка не зажигалась. Чем дольше Лида смотрела, тем яснее становилось: квартира требовала не защиты от одного человека, а десятков обычных решений. В каждом Павел уже предложил короткий путь.

Она составила список мастеров сама. Газовая служба — только по официальному номеру. Сифон можно заменить вечером. Шторы заказать в магазине у метро. Батарея работает. Замок новый. Каждый выполненный пункт возвращал квартире границы лучше, чем стул под дверью.

В полдень в домофон позвонила женщина.

— Доставка штор.

— Я ничего не заказывала.

— На Воронову, квартира двадцать семь. Зелёные, два полотна, карниз.

Лида подошла к окну. У подъезда стояла женщина с длинным картонным тубусом и прозрачным пакетом, в котором виднелась тёмно-зелёная ткань. Рядом припарковалась легковая машина с названием магазина.

— Кто оплатил?

— Заказ оплачен. Получатель вы.

Вчера размер окна они с Дашей измеряли вдвоём. Название магазина произнесли вслух, когда выбирали ткань на сайте. Заказ не оформляли. Павел в квартире после этого не был. Из окна увидеть цифры на рулетке невозможно.

— Подождите, я спущусь.

Лида взяла телефон и вышла. У машины попросила показать заказ. В электронном бланке стояло её имя, адрес, номер телефона и размер: ширина карниза двести сорок сантиметров, длина полотна двести шестьдесят. Именно эти числа Даша записала вчера на обороте чека.

— Заказчик кто?

— В приложении только плательщик: Корнеев Виктор Сергеевич. Комментарий: «Для дочери, срочно».

Лида отказалась принимать товар. Попросила сотрудницу отметить, что получатель заказ не оформлял и согласия на доставку не давал. Женщина нахмурилась, но внесла текст в приложение.

— Может, муж сюрприз сделал?

— Бывший муж. И это не сюрприз.

Когда машина уехала, Галя с таксой вышла из подъезда.

— Хорошие шторы были. Чего не взяла? Мужчина платит — пусть платит.

— Откуда вы знаете, кто платил?

— Так курьер сказала.

Курьер при Гале имени Виктора не произносила. Они стояли в нескольких метрах, но женщина могла услышать часть разговора. Лида не стала спорить.

— Галя, вы кому-нибудь рассказывали, что мы выбираем зелёные шторы?

— Откуда мне знать, что вы выбираете? Я к вам не хожу.

— А кто-нибудь спрашивал, зашторены ли наши окна?

Галя подтянула поводок. Такса упёрлась лапами в мокрый асфальт.

— Павел вчера сказал, надо девочкам помочь, они как на сцене живут. Я ответила, что занавески есть. Всё. Он за всеми смотрит, чтобы порядок был.

— Он спрашивал цвет или размер?

— Нет. Лида, ты не ищи плохого. Виктор твой молодец, что о дочке думает. Другой бы после развода забыл адрес.

— Откуда вы знаете, как его зовут?

Галя отвела взгляд к собаке.

— Павел, наверное, говорил.

Она ушла вдоль дома. Лида осталась у подъезда, чувствуя, как холод просачивается через подошвы. Размер штор не мог прийти от Гали. Его знали трое: Лида, Даша и тот, кто мог слышать разговор в квартире.

На телефоне появился вызов Виктора.

— Ты зачем отказалась? — спросил он без приветствия.

— Даша вчера сама выбрала цвет.

— Откуда ты знаешь размер?

— Мне Даша сказала.

— Нет.

— Ты уже успела её допросить?

— Она сейчас в школе. Мы с ней измеряли окно рядом.

Ты получил данные не от неё.

Виктор помолчал, затем рассмеялся коротко и устало.

— Лида, у тебя стандартный дом. Размеры окон есть на

сайте магазина. Я хотел, чтобы ребёнок не жил за голой занавеской перед всем двором. Ты превратила это в слезку.

— На сайте не указан наш карниз.

— Значит, Павел подсказал. Он был в квартире, видел окно.

— Павел был здесь до того, как мы измерили.

— Двести сорок — обычный размер. Ты правда будешь строить дело на десяти сантиметрах?

Лида сбросила вызов. Руки дрожали не от холода. Виктор дал три объяснения за одну минуту: Даша сказала; размер стандартный; Павел подсказал. Любое могло быть правдой отдельно, но вместе они показывали только одно — он не собирался называть источник.

Она вошла в подъезд и увидела над дверью маленький чёрный глазок камеры. Вчера его не замечала. Камера смотрела не в квартиру, а на площадку. Разговор о шторах шёл на кухне, до входной двери было семь метров и две стены.

Внутри Лида обошла комнаты. Искомое обнаружилось не сразу. На кухонной полке стояла умная колонка отца — маленькая, серая, покрытая пылью. Лида считала её отключённой. Кольцо сверху не светилось. Провод уходил за холодильник.

Она выдернула вилку из розетки. Ничего не изменилось.

Колонку покупал Виктор на день рождения отца два года назад. Он сам настраивал приложение. После смерти отца Лида не отвязала устройство от семейной учётной записи,

потому что забыла о нём. Если колонка оставалась подключена, Виктор мог видеть её состояние, иногда — историю команд. Но разговор без команды устройство не должно было передавать. Лида не знала, мог ли он включить прослушивание или звонок незаметно.

Она положила колонку в кастрюлю и закрыла крышкой. Потом поняла, насколько нелепо это выглядит, достала и убрала в коробку на балконе. Нелепость не отменяла разумной меры: отключить чужое устройство.

Даша ответила на сообщение после урока.

«Папе про шторы не писала. Ссылку никому не кидала. Размер был на чеке, чек на кухне».

Лида нашла чек. Он лежал под солонкой цифрами вверх.

«Дома была колонка дедушки. Она подключена к папиному аккаунту?»

Три точки появились почти сразу.

«Да. Раньше была. Но она без слова не записывает вроде. Я отвязу».

«Не отвязывай пока. Просто выйди из семейного аккаунта на своём телефоне, если можешь без потери данных. Вечером решим вместе».

Лида переслала Ирине снимок заказа и описала колонку. Адвокат ответила: не включать, не разбирать, сохранить серийный номер, проверить правила учётной записи со специалистом; никаких утверждений о прослушивании без технического подтверждения.

В 15:10 в дверь снова позвонили. Лида посмотрела в глазок. Павел держал пакет с новым сифоном.

— Я ничего не заказывала.

— Сантехник сказал, под раковиной течёт. Я купил подходящий, чек внутри. Можете деньги потом отдать или не отдавать, он сто восемьдесят рублей.

— Откуда сантехник знает ваш номер?

— Мы двадцать лет работаем в одном районе.

— Он сообщил вам о неисправности в моей квартире?

— Не тайну же выдал. Вода капает соседям вниз — общее дело.

— Соседям не капает. Под раковиной стоит миска.

Павел посмотрел прямо в глазок, словно видел Лидин глаз за стеклом.

— Тогда не открывайте. Пакет оставлю здесь.

— Не оставляйте.

— Хорошо.

Шаги удалились. Лида подождала и открыла дверь. Пакета не было. На площадке пахло резиной и кофе.

Через десять минут Виктор прислал фотографию ржавой трубы под раковиной. Снимок был сделан в их квартире: узнавались сколотая синяя плитка и миска, которую Лида поставила утром. Под фото стояло: «Ты собираешься ждать, пока зальёт соседей? Павел предлагает нормальный сифон. Возьми и поставь».

Лида увеличила изображение. Оно было снято низко, по-

чти от пола. Она сама сегодня трубу не фотографировала. Даша была в школе. Сантехник работал в ванной, но мог заглянуть под кухонную раковину, пока Лида говорила с Павлом у двери. Он же сообщил о течи.

Она позвонила в управляющую компанию и попросила соединить с мастером. Диспетчер отказалась дать личный номер, но приняла обращение. Через двадцать минут сантехник перезвонил сам.

— Я сфоткал, да, — сказал он раздражённо. — Палычу отправил, чтобы диаметр посмотрел. Он запчастями занимается. Что такого?

— Вы спросили у меня разрешение фотографировать внутри квартиры?

— Там труба, не вы голая.

— Вы сообщили третьему лицу о состоянии моего жилья и передали фотографию. Удалите её и письменно подтвердите. Я оставляю жалобу.

— Жалуйтесь. Потом будете мастера по месяцу ждать.

Он отключился.

Лида записала содержание разговора сразу, пока помнила формулировки. Причина снимка нашлась. Никакой тайной функции колонки для него не требовалось. Павел использовал человека, который вошёл по законной заявке и считал фотографию трубы пустяком. Затем отправил снимок Виктору. Тот не выдержал и показал источник, уверенный, что Лида должна увидеть лишь полезный совет.

Она написала Павлу: «Сантехник подтвердил, что отправил вам сделанную без разрешения фотографию внутри моей квартиры. Вы передали её Виктору. Требую удалить фото и прекратить сбор и передачу сведений».

Ответа не было шесть минут. Потом пришло:

«Фото техническое, нужно для подбора детали. Виктор оплатил сифон, поэтому получил подтверждение. Удалил. Вы преувеличиваете бытовую ситуацию».

Лида сохранила сообщение и переслала Ирине.

Вечером Даша долго рассматривала фотографию трубы.

— Он мог снять не только это, — сказала она.

— Мог. Но пока знаем только про этот снимок.

— Ты теперь никого непустишь?

— Пущу официального мастера, если он нужен. Буду рядом. Сразу скажу, что снимать нельзя.

— А если он снимет тайком?

— Тогда это будет его нарушение, а не наша вина за то, что у нас сломался кран.

Даша села на кухонный стол, поджав одну ногу.

— Папа всегда так. Сначала делает полезное, потом говорит, что ты неблагодарная. Когда он купил мне ноутбук, там был его родительский доступ. Я думала, это нормально, мне было двенадцать. Потом он читал, сколько времени я переписываюсь с Алиной.

— Почему ты не сказала?

— Ты бы потребовала пароль от папиного аккаунта. Или

выбросила ноутбук. В любом случае решала бы за меня.

Лида прислонилась к раковине. За окном зажигались прямоугольники квартир. Штора всё ещё была тонкой.

— Что ты хочешь сделать с колонкой и семейным аккаунтом?

— Выйти из аккаунта. Колонку сбросить, но сначала пусть кто-нибудь проверит, что она умеет и когда подключалась. Не папин знакомый.

— Согласна.

— И шторы я всё равно хочу зелёные. Только другие.

— Закажем сами.

Они выбрали магазин, в котором можно было оплатить при получении, и оформили заказ на имя Даши с её согласия. Размер перемерили. Оказалось, они ошиблись вчера на восемь сантиметров: карниз был не двести сорок, а двести тридцать два.

— Значит, папины не подошли бы, — сказала Даша.

— Значит, он знал только то, что лежало на чеке.

Она произнесла это и почувствовала странное облегчение. Не потому, что слезка оказалась мелкой. Потому что у неё была граница: снимок сантехника объяснял трубу, чек объяснял размер, Павел объяснял передачу. Не всевидящее устройство, не безграничный доступ. Люди, которые брали по одному кусочку и передавали дальше.

В 21:03 Нина Аркадьевна позвонила.

— Полиция была. На камере мужчина есть, лица нет. Во-

шёл через арку, постоял, вышел. Павел сказал, это курьер заблудился.

— Откуда он знает?

— Не объяснил. Я записала время машины полиции и фамилии. Но тебе журнал не отдам, сразу предупреждаю.

— Я не прошу.

— Вот и хорошо. Ещё одно. Сегодня днём Павел ходил по квартирам и спрашивал, кто видел человека в светлой куртке. Гале сказал, что ты тревожная после развода и лучше не поддерживать страхи.

Лида закрыла глаза.

— Почему вы мне это говорите?

— Потому что слышала сама. Это факт о его словах. Что он хотел — не знаю.

— Спасибо.

— Не благодари за всё подряд. От благодарности тоже долг заводится.

После звонка Лида подошла к окну. Внизу Павел помогал женщине вытаскивать из багажника складную инвалидную коляску. Он поставил её на асфальт, проверил тормоза, затем бережно поднял пожилого мужчину под локти. Женщина что-то сказала, и Павел засмеялся. Никакой игры в этот момент Лида не увидела. Он действительно был полезен. Возможно, именно поэтому ему открывали двери, сообщали номера, разрешали решать.

Виктор прислал последнее сообщение за день:

«Если бы ты приняла помощь, у Даши уже были бы тепло, шторы и исправная кухня. Вместо этого весь двор обсуждает полицию. Подумай, что для неё безопаснее».

Лида не ответила. Она записала на листе три строки.

Сантехник починил кран по официальной заявке — помощь.

Сантехник без разрешения снял трубу и отправил Павлу — нарушение.

Павел передал снимок Виктору — выбор, а не неизбежная часть помощи.

Лист прикрепила магнитом к холодильнику. Даша прочитала, взяла ручку и добавила четвёртую строку:

«Мы можем починить сифон сами и не быть никому должны».

— Сами — это вызвать другого мастера, — сказала Лида.

— Я это и имела в виду.

Они засмеялись впервые после переезда. Смех получился коротким, но обычным. В доме напротив Нина задвинула свою штору. Внизу Павел сложил коляску в багажник, закрыл машину и посмотрел вверх.

На этот раз Лида не гасила свет. Она просто задёрнула тонкую занавеску, зная, что силуэты всё равно видны, и вернулась к столу.

Глава 4. Белый фургон

Новые шторы привезли в половине восьмого утра.

Курьер позвонил Даше, как они и договорились при заказе, назвал магазин и последние четыре цифры накладной. Даша сверила их в приложении, только потом открыла подъезд. Лида стояла рядом, но молчала. Ей стоило усилия не взять телефон, не потребовать самой поговорить с водителем и не выглянуть трижды в окно.

— Я спущусь, — сказала Даша. — Оплата при получении. Ты можешь пойти со мной, только не вместо меня.

— Пойду рядом.

Во дворе моросил дождь. Курьер достал из легковой машины два запаянных пакета и короткий карниз. Даша проверила цвет, приложила рулетку к упаковке, расписалась пальцем на экране и сама перевела деньги. Всё заняло четыре минуты. Павла во дворе не было. Никто не предложил доставить свёртки, поэтому они справились вдвоём: Даша взяла шторы, Лида — карниз.

На кухне зелёная ткань оказалась темнее, чем на фотографии, почти цвета еловой хвои после дождя. Они не успевали вешать её до школы. Даша оставила свёрток на диване и пошла собирать рюкзак.

— Сегодня шесть уроков, потом мы с Алиной в библиотеку, — сказала она. — Напишу, когда выйдем.

— Хорошо.

— Не будешь проверять каждый час?

— Не буду.

Даша застегнула куртку и посмотрела на неё с тем выражением, в котором недоверие уже не было отказом. Скорее ожиданием проверки.

— Если случится что-то странное, я напишу сама.

— Договорились.

Через десять минут после её ухода Лида увидела фургон.

Он стоял за аркой, там, где двор выходил к дороге: белый кузов без окон, синяя полоса вдоль борта, мелкая надпись на задней двери. С кухонного окна читались только последние буквы — «сервис». Правая створка была помята возле ручки. Номер закрывало мокрое каштановое ветвие, но последние цифры Лида различила: сорок семь.

Такой же конец номера был у машины возле подвала накануне. Точнее, мог быть. На вчерашнем снимке одна цифра расплылась в отражении лужи, и Лида сама подписала файл: «возможно 47». Теперь память услужливо убирала слово «возможно».

Она заставила себя открыть фотографию. Увеличила. Первая из двух цифр действительно могла быть четвёркой, а могла — единицей с грязной полосой сбоку. На фургоне за аркой номер был виден лучше: регион семьдесят семь, перед цифрами три буквы, средняя похожа на «К».

Лида сфотографировала машину из окна, не приближая

изображение сверх того, что позволял телефон. В 08:06 водитель включил фары и выехал. Она записала время и то, что видела: белый фургон, синяя полоса, слово «сервис», вмятина, окончание номера 47. Не написала: «тот же самый».

В 08:19 пришло сообщение Даши.

«У школы стоит тот белый фургон. Или похожий».

Под сообщением появилась фотография. Даша снимала из автобуса через мокрое стекло. Машина стояла на противоположной стороне от школьной ограды. Синяя полоса, помятая правая дверь, последние цифры 47.

У Лиды мгновенно похолодели ладони. Палец уже нажал на значок вызова, когда она остановилась. Если она позвонит сейчас, Даша услышит страх раньше слов. Если потребует не входить в школу, девочка окажется на улице напротив машины. Если велит возвращаться, повторит то, от чего обе пытались уйти.

«Ты сейчас где?» — написала Лида.

«Внутри школы. Зашла с Алиной и дежурной учительницей. Водителя не видела».

«Спасибо, что сообщила. Не подходи к машине и не снимай ближе. Я проверю, кому она принадлежит. Если она останется к концу уроков, выйди через главный вход с Алиной и взрослым. Решение о библиотеке примем по фактам».

Ответ пришёл не сразу.

«Вот так нормально».

Лида перечитала эти три слова. Потом позвонила в шко-

лу. Не директору и не классной руководительнице, а на пост охраны, номер которого нашла на официальной странице. Представилась, назвала класс дочери и спросила, ожидают ли сегодня ремонтную машину.

Охранник зашуршал бумагами.

— Электрики должны быть. Освещение в спортзале меняют. Машина подрядчика на улице, во двор им нельзя до конца уроков.

— Как называется подрядчик?

— «Горсветсервис», кажется. На борту написано.

— Номер машины у вас записан?

— А вам зачем?

— Похожий фургон стоял утром у нашего дома, после чего приехал к школе дочери. У нас есть зарегистрированное обращение по поводу съёмки ребёнка. Я не утверждаю, что машина связана с этим. Хочу исключить совпадение.

Охранник помолчал.

— Номер постороннему по телефону не дам. Можете обратиться к директору письменно. Но электрики у нас по заявке, фамилии сверили.

— Они вошли в школу?

— Двое вошли с инструментом, водитель уехал за деталями. Всё, женщина, мне людей пропускать надо.

Лида поблагодарила. Существовало простое объяснение: настоящий подрядчик приехал на настоящий ремонт. От этого не исчезал вопрос, почему та же машина была у их

подвала. Но машина могла обслуживать весь район. Именно такое объяснение дал бы Павел, и от предсказуемости оно не становилось ложным.

Она открыла сайт «Горсветсервиса». На фотографии автотарка стояли три одинаковых белых фургона с синей полосой. Телефон диспетчерской был городской. Лида позвонила и спросила, обслуживает ли компания школу и дома на их улице.

— Адреса называйте, — сказала женщина.

Лида назвала.

— По школе заявка есть, освещение спортзала. По вашему дому вчера была заявка на щитовую подвала, сегодня нет.

— Можно узнать номера машин?

— Нет. А кто вы?

— Жительница дома. Мне нужно понять, одна машина приезжала или две.

— Через управляющую организацию запрос делайте. У нас восемнадцать экипажей по городу.

— Что делали в щитовой?

— В заявке написано: диагностика линии домофона и освещения первого подъезда. Закрыта в шестнадцать сорок вчера.

Лида записала номер заявки, который диспетчер согласилась назвать, и время закрытия. Фургон она видела возле подвала утром, намного раньше. Возможно, экипаж приехал, не попал внутрь и вернулся позже. Возможно, утром

был другой фургон. Опять два объяснения, и ни одного доказанного.

Телефон завибрировал. Виктор прислал голосовое сообщение. Лида не стала слушать вслух; надела наушник.

— Даша пишет мне про какую-то машину у школы. Ты её уже накрутила до того, что она боится коммунальщиков? У школы меняют свет. Павел дал номер подрядчика, я проверил. Не устраивай тревогу администрации. Это потом попадёт в характеристику семьи, и виновата будешь ты.

Лида прослушала второй раз. Даша написала ему — это было её право. Но Павел успел дать Виктору номер подрядчика, хотя Лида о машине ему не говорила. Он мог знать о школьном ремонте как человек, связанный с тем же подрядчиком. Мог узнать от Виктора, а тот — от Даши. Цепь снова складывалась из обычных звеньев, каждое из которых можно было назвать заботой.

Она ответила текстом: «Я уточнила у охраны школы и диспетчерской подрядчика, что ремонт запланирован. Даше не запрещала идти на уроки. Прошу не обсуждать обращения взрослым словом “накрутила” при ней».

Виктор набрал сразу.

— Ты уже звонила подрядчику?

— Да.

— Прекрасно. Скоро тебя будут знать все диспетчеры города.

— Откуда Павел узнал, что машина у школы заинтересо-

вала Дашу?

— Я спросил его, что за фирма. На борту название.

— Даша прислала тебе фотографию?

— Какая разница?

— Большая. Если прислала, источник понятен.

— Да, прислала. Довольна? Она испугалась, потому что ты второй день рассказываешь ей про слежку.

— Вчера неизвестный снимал наш подъезд. Это зафиксировала Нина и полиция. Сегодня Даша сама узнала машину и сообщила обоим родителям. Я проверяю, не делая вывода заранее.

— Ты говоришь как на допросе.

— Потому что на обычный вопрос ты сначала отвечаешь упрёком.

Виктор шумно выдохнул.

— Я еду в школу.

— Зачем?

— Чтобы дочь увидела хотя бы одного спокойного родителя.

— Она на уроках. Не срывай её.

— Ты мне не запретишь видеть ребёнка.

— Не запрещаю. Предлагаю спросить Дашу, хочет ли она, чтобы ты приезжал сейчас.

Он отключился.

Лида написала дочери: «Папа собирается приехать. Я предложила ему сначала спросить тебя. Решать тебе. Я не

еду, пока ты не попросишь».

Через минуту Даша ответила: «Я ему уже написала не приезжать. У нас алгебра».

Лида положила телефон экраном вниз. Ей хотелось всё равно поехать и ждать за углом. Это желание было таким сильным, что тело уже готовилось: взгляд нашёл ключи, рука потянулась к куртке. Она представила себя у школьной ограды, Виктора у другого входа, Дашу между ними. Белый фургон мог уехать через пять минут, а их семейная осада осталась бы на весь день.

Она не поехала.

Вместо этого занялась карнизом. В комплекте не хватало одного дюбеля, и пришлось спуститься в хозяйственный магазин. Лида выбрала прозрачный пакет, взяла чек и вернулась. На площадке её встретила Галя с таксой.

— Павел искал тебя, — сказала она. — Хотел сказать, что машина эта служебная. Чего вы перепугались?

— Какая машина?

Галя замялась.

— Белая. У школы.

— Откуда вы знаете про школу?

— Павел сказал, чтоб люди не волновались. У них подрядчик один на весь район.

— Какие люди здесь волновались из-за машины у школы?

Такса потянула поводок к лестнице. Галя дёрнула её обратно.

— Ты опять за своё. Я просто передаю хорошую новость.

— Я не рассказывала Павлу про фургон. Вы рассказывали?

— Я его утром видела у арки. Потом Палыч объяснил, куда он поехал. Всё.

— Он сам сказал, что машина поехала к школе?

— Наверное. Не помню дословно.

Галя нажала кнопку лифта, хотя жила этажом ниже. Пока кабина спускалась, она смотрела на цифры над дверью.

— Лида, ты не обижайся. Тут люди годами живут. У нас трубы общие, двор общий, дети в одну школу ходят. Нельзя каждое слово считать доносом.

— Я считаю не каждое слово. Я пытаюсь понять путь одного сведения.

— Вот именно. Путь, сведения... По-человечески надо.

Лифт открылся. Галя втянула таксу внутрь и нажала первый этаж.

У двери квартиры лежал сложенный вдвое лист. Лида не стала поднимать его голой рукой, потом рассердилась на себя, подняла и развернула. Это была копия заявки «Горсветсервиса». Адрес школы, работы в спортзале, дата. Внизу ручкой приписано: «Машина обслуживает весь квартал. Не пугайте ребёнка совпадениями. П. М.»

На обороте виднелся второй адрес — их дом — и номер вчерашней заявки. Документ распечатали с внутренней страницы подрядчика: в углу стояло имя пользователя

«p.merkulov».

Павел не просто знал фирму. У него был доступ к заявкам или распечатка от человека с таким доступом. Это объясняло и дом, и школу. Пока не объясняло, зачем один и тот же фургон оказался в обоих местах именно в часы, когда там была Даша.

Лида сфотографировала лист с обеих сторон и положила в прозрачный файл. Затем написала Павлу: «Вы оставили у моей двери копию заявок?»

Он ответил почти сразу: «Да. Хотел снять тревогу фактами».

«Почему у вас доступ к внутренней странице подрядчика?»

«Я общественный представитель дома. Мне присылают закрывающие документы».

«Заявка школы не относится к нашему дому».

Пауза длилась четыре минуты.

«Один мастер закрыл обе заявки, прислал одним файлом. Я попросил специально после звонка Виктора».

«Во сколько попросили?»

«Не веду протокол частной переписки».

Лида сохранила экран. Слово «протокол» он произнёс как насмешку над её попыткой установить порядок. Но время было важно: если распечатка пришла после звонка Виктора, всё объяснялось. Если заявка школы была у Павла утром, он мог заранее знать маршрут машины. Ни один вариант пока

не доказывал преследование.

Она позвонила Ирине. Адвокат ответила из коридора суда; вокруг хлопали двери и гудели голоса.

— У меня три минуты, — сказала она. — Только факты.

Лида перечислила фургон, сообщение Даши, подтверждённые заявки и лист от Павла.

— Угроза была? Попытка контакта с Дашей?

— Нет.

— Машина законно работала у школы?

— Похоже, да.

— Тогда отдельно сохраняем странное совпадение, отдельно — незаконный или хотя бы непонятный обмен данными, если он есть. Не требуйте от школы ловить ремонтников. Попросите письменно подтвердить подрядчика и время работ. У компании запросите сведения через управляющую организацию. И не обещайте Даше, что машина безопасна. Вы этого тоже не знаете.

— Виктор может использовать мои звонки как доказательство тревожности?

— Использовать может всё. Вопрос, что из этого следует. Один спокойный звонок охране из-за машины, похожей на замеченную при другом инциденте, не делает вас опасной матерью. Десять звонков, срыв уроков и запрет выходить — уже материал для его версии. Вы сколько сделали?

— Два. Школа и подрядчик.

— На этом остановитесь до новых фактов.

Связь прервалась. Лида положила телефон рядом с дреблю и закончила вешать карниз. Первый шуруп вошёл криво; она выкрутила его, заделала отверстие и начала заново. К двум часам зелёные шторы закрывали окно полностью. В кухне сразу стало темнее и тише. Впервые с приезда напротив не было видно чужих окон.

Но закрытая ткань не дала облегчения. Теперь Лида не видела двор, фургон и подъезд. Ей захотелось отодвинуть край на ладонь.

Она не стала. Окно не обязано было служить сторожевой башней.

В 14:37 Даша написала, что машина уехала. Электрики остались в школе. Водитель ни к кому из учеников не подходил. После уроков школьный завхоз вывел двоих рабочих через главный вход, и Даша с Алиной видели, как они грузили стремянку в другой автомобиль — серый универсал.

«В библиотеку идём. Охранник сказал, фургон ещё утром уехал за лампами».

Лида ответила: «Хорошо. Напиши, когда выйдете».

Через несколько секунд добавила: «Ты хочешь, чтобы я тебя встретила после библиотеки?»

«Нет. Мы поедem вместе до нашей остановки. Если фургон появится, позвоню».

«Договорились».

Лида составила письменный запрос в школу без слов «слежка» и «преследование»: просила подтвердить назва-

ние подрядчика, дату и примерное время работ, поскольку машина совпала по приметам с транспортом из ранее зарегистрированного обращения. Приложила номер обращения полиции, но не фотографию Даши. Затем отправила запрос управляющей компании по вчерашней заявке дома.

В половине пятого позвонила Нина Аркадьевна.

— Шторы повесили?

— Откуда вы знаете?

— Не знаю. Теперь не вижу вашу кухню. Значит, или шторы, или стену построили.

Лида улыбнулась впервые за день.

— Шторы. Мы сами заказали.

— Вот и славно. Только ты край иногда открывай, цветы свет любят.

— У меня пока нет цветов.

— Будут. Я не про это звоню. Белая машина утром была у вашей арки. Я номер записала целиком.

Лида сжала телефон.

— Продиктуете?

— Продиктую, но сначала скажи свой. Чтобы ты не подогнала память под мою запись.

Лида открыла записку и прочитала три буквы и цифры со своего снимка. Первую букву она различила как «Т», вторую как «К», третью не видела. Нина назвала номер: «ТКМ 147, регион семьдесят семь».

— У меня видны только К, возможно М, и сорок семь.

Время восемь шесть.

— У меня восемь четыре. Часы на кухне спешат на две минуты, это я вчера по радио проверила. Значит, совпадает.

— Вы видели водителя?

— Мужчина в синей куртке. Вышел, открыл заднюю дверь, переставил две коробки. Павел подошёл к нему от третьего подъезда, что-то передал. Маленькое, плоское, вроде конверта. В машину не садился. Потом фургон уехал.

— Вы уверены, что передал?

— Руки сошлись, потом у водителя в правой руке появился белый прямоугольник. Что внутри — не знаю. Может, акт выполненных работ. Так и запишу.

— Уже записали?

— Конечно. Но страницу не отдам.

— И не надо. Только не рассказывайте Павлу, что звонили мне.

Нина помолчала.

— Вот это уже просьба сделать меня твоим тайным окном.

— Вы правы. Забираю. Сами решайте, кому говорить. Только учитывайте, что он называет вас ненадёжной из-за возраста.

— Это я слышала своими ушами. И решу сама.

После звонка Лида записала слова Нины как чужое наблюдение, не как установленный факт. Фургон у дома и фургон у школы теперь почти наверняка были одной машиной. Павел встречался с водителем до школьной поездки. Но

плоский белый предмет мог быть актом по заявке. А школа действительно заказала ремонт.

Совпадение становилось теснее, не превращаясь в доказательство.

В 17:20 Даша вышла из библиотеки. В 17:28 прислала фотографию остановки: мокрый асфальт, красный автобус, Алина в жёлтой шапке. Белого фургона не было. Лида посмотрела расписание и удержалась от того, чтобы считать минуты до каждой пересадки.

В 18:03 Даша вошла в квартиру. Щёки у неё покраснели от ветра. Она сразу увидела шторы и провела ладонью по ткани.

— Эти лучше папиных.

— Потому что подошли по размеру.

— И потому что наши.

За ужином Лида рассказала только подтверждённое: компания обслуживала дом и школу, номер машины совпал, Павел утром встречался с водителем, назначение переданного предмета неизвестно. Даша ела гречку и слушала, не перебивая.

— Папа сказал, что водитель — брат его сотрудника, — сказала она наконец.

— Когда?

— Днём. Я спросила, откуда он так быстро всё узнал. Он сказал: «Мир тесный, водитель знакомый». Потом удалил сообщение и написал про подрядчика.

— У тебя осталось уведомление?

— На часах. Кажется.

Даша открыла приложение, прокрутила историю уведомлений. Первая строка сохранилась: «Водитель там знакомый, брат нашего...» Остальное обрезалось. Следующее сообщение Виктора было уже другим: «Павел подтвердил, это общий подрядчик».

— Можно я сфотографирую экран? — спросила Лида.

— Для Ирины?

— Да. И сохраню отдельно. Но только если ты согласна.

Даша подумала и кивнула.

— Снимай. Только не забирай часы и не читай остальное.

Лида сфотографировала одну строку так, чтобы другие уведомления не попали в кадр. Даша сама отправила снимок себе и убрала руку.

— Он соврал? — спросила она.

— Он изменил объяснение. Может быть, водитель и знакомый, и подрядчик. Нужно спросить прямо.

— Ты спросишь?

— Если ты не против, завтра, не через тебя.

— Я сама уже спросила. Он написал, что оговорился.

Лида почувствовала привычный толчок: потребовать весь разговор, установить, что именно сказал Виктор, защитить Дашу от следующего сообщения. Вместо этого она спросила:

— Хочешь показать ответ?

— Нет. Там ничего полезного. И это мой чат.

— Хорошо.

Даша подняла глаза, проверяя, не последует ли «но». Не последовало.

Позже они раздвинули шторы на десять сантиметров, чтобы проветрить кухню. В щели был виден узкий кусок дома напротив и одно окно Нины. На подоконнике у неё горела лампа.

Внизу появился Павел. Он шёл через двор с рулоном синего кабеля на плече. Остановился точно напротив их подъезда, достал телефон и кому-то позвонил. Почти сразу у Лиды зазвонил мобильный.

Она ответила, не отходя от окна.

— Лидия Сергеевна, вижу, обустроились, — сказал Павел. — Я насчёт фургона. Не хочу, чтобы осталось недоверие.

— Тогда ответьте, что вы передали водителю утром.

На дворе Павел поднял голову. Между ними было пять этажей, дождь и две полосы стекла.

— Акт по вчерашней заявке. Он забыл подпись управляющего домом.

— Вы говорили, что мастер прислал вам закрывающие документы одним файлом.

— И бумажный акт тоже был. Одно другому не мешает.

— Вы знали, что после нашего дома машина поедет к школе?

— Конечно. Я спросил водителя, куда он дальше. Он ска-

зал — в девяносто третью школу. Поэтому, когда Виктор позвонил, сразу всё объяснил.

— Во сколько Виктор позвонил?

— Не помню.

— До восьми девятнадцати или после?

Павел перестал смотреть вверх и пошёл к арке.

— Вы пытаетесь поймать меня на минутах вместо того, чтобы признать простое совпадение. Машина ремонтировала дом, потом школу. Я помог закрыть акт. Никто Дашу не преследовал.

— Откуда вы знаете, что никто?

— Потому что водитель мой знакомый.

Лида услышала ту же замену: знакомый превращался в безопасного, полезное действие — в право знать маршрут, отсутствие доказанной угрозы — в доказательство отсутствия наблюдения.

— Как его зовут?

— Сергей.

— Фамилия?

— Вы не следователь.

— Верно. Поэтому передам номер машины и ваши объяснения сотруднику по зарегистрированному обращению. Он сам решит, нужно ли спрашивать Сергея.

Павел остановился под аркой.

— Вы понимаете, что такими подозрениями портите жизнь обычному человеку? У него работа, семья. Он лампы

в школу повёз, а вы сделаете из него похитителя.

— Я сообщу только, где и когда видела машину. И что вы встречались с водителем.

— Нина вам напела?

— Я не обсуждаю с вами соседей.

Он отключился.

Через щель Лида увидела, как Павел стоит у арки, опустив телефон. Потом он повернулся не к своему подъезду, а к дому напротив. Окно Нины погасло. Возможно, она просто легла спать. Возможно, увидела его. Лида не стала звонить и предупреждать: Нина ясно отказалась быть её тайным окном.

Она закрыла шторы до конца.

На холодильнике оставался лист с четырьмя строками. Даша дописала пятую:

«Настоящий ремонт не объясняет, зачем знакомый водитель нужен папе».

Лида взяла ручку и рядом добавила:

«Пока не знаем, нужен ли».

— Даже сейчас? — спросила Даша.

— Особенно сейчас. Если мы напишем больше, чем знаем, Павлу будет легче назвать ошибкой всё остальное.

Даша перечитала обе строки и обвела слово «пока».

За зелёной тканью двор продолжал жить: хлопнула дверь, завёлся автомобиль, кто-то прокатил по асфальту пустой мусорный бак. Лида слышала звуки, но не видела их источни-

ков. Это было неприятно и почему-то правильно. Не каждое движение за окном требовало её взгляда.

Она отправила участковому одно сообщение: номер фургона, два времени, название подрядчика и просьбу приобщить сведения к обращению. Без слов о погоне. Без вывода о водителе. Затем положила фотографию заявки, снимок Ниныной выписки не трогала и закрыла папку.

В двадцать две сорок пришёл ответ от школы: работы были плановыми, двое сотрудников зарегистрированы на входе, угроз и контактов с учениками не зафиксировано. Фургон находился у ограды с 08:12 до 08:31, затем уехал. Лида показала письмо Даше.

— Значит, сегодня он ничего не сделал, — сказала Даша.

— Из того, что школа могла увидеть, — да.

— И завтра я всё равно пойду сама.

Лида почувствовала страх и не стала называть его доводом.

— Да. Если ты этого хочешь.

Перед сном она проверила замок один раз. Не два. Кружку на ручку не повесила. На кухне зелёные шторы скрывали их от окон напротив, но тонкая светлая полоска оставалась посередине: карниз был установлен чуть шире, чем ткань.

Лида могла бы исправить это утром. Сейчас полоска казалась не щелью в защите, а напоминанием: полная темнота тоже не даёт полной безопасности.

Глава 5. Дворовой чат

Утром зелёные шторы стали светлее стены. Ночной двор проступал на ткани серыми прямоугольниками, и Лида впервые проснулась не от ощущения, что кто-то стоит у окна, а от коротких ударов телефона по столешнице.

Сообщения приходили одно за другим. Незнакомые номера, одинаковая первая фраза, разные знаки препинания.

«Это ваша дочь на фото?»

«Лидия, вы уже видели, что в домовом чате?»

«Не хочу вмешиваться но подростку одной ночью опасно».

Последнее сообщение прислала Галя с таксой. К нему прилагался снимок экрана. Вверху было название группы: «Наш квадратный двор». Ниже — фотография Даши у магазина на углу. Даша стояла боком, в расстёгнутой куртке, держала бумажный стаканчик и смотрела на кого-то за границей кадра. За её спиной светилась витрина. Верх фотографии был обрезан почти по волосам, низ — по колени.

Под снимком пользователь с именем «Сосед 4» написал: «Опять несовершеннолетняя одна после одиннадцати. Вчера взрослые уже искали подозрительную машину, а ребёнок гуляет по ночам. Может, сначала дома порядок?»

Время сообщения — 06:42.

Лида посмотрела на закрытую дверь Дашиной комнаты. В

квартире было тихо. Она увеличила снимок, заставила себя рассматривать не дочь, а предметы вокруг. В витрине висел плакат с жёлтой кружкой и надписью «Согрейтесь до шести». Слева от Дашиного плеча виднелся край электронных часов, но цифры были срезаны. Остался только красный нижний сегмент, ничего не доказывающий. На стекле отражалось светлое небо. Фонари не горели. Люди у остановки были без зонтов.

Вчера Даша после школы ходила в библиотеку. Возвращалась в половине шестого, когда уже темнело, но не в одиннадцать. В магазин на углу они заходили вместе днём позавчера за дюбелями. Тогда Даша брала какао в автомате и ждала у витрины, пока Лида расплачивалась.

Лида открыла свойства присланного файла. Снимок экрана, сделанный Галей в 06:55, не мог сохранить время исходной фотографии. Она написала: «Спасибо. Пожалуйста, перешлите мне саму фотографию, не снимок чата, если она у вас сохранилась».

Ответ пришёл быстро: «Я не админ спросите Павла».

Телефон снова дрогнул. Виктор.

«Объясни, где Даша была ночью».

Лида не ответила. Она постучала в комнату дочери и дождалась сонного «да».

Даша лежала поверх одеяла в футболке, уронив на подушку открытую книгу. Будильник должен был зазвонить через девять минут. Лида поставила телефон на край письменного

стола экраном вниз.

— В домовом чате выложили твою фотографию, — сказала она. — Подписали, что ты была одна после одиннадцати. Думаю, снимок сделан позавчера у магазина, когда мы покупали крепления для штор.

Даша села слишком резко.

— Покажи.

Лида протянула телефон.

Дочь узнала фотографию раньше, чем дочитала подпись.

— Это ты была внутри. Я ждала тебя пять минут. Там Алина подошла.

— Я помню.

— Кто снимал?

— Пока не знаю.

Даша увеличила край витрины.

— Они часы отрезали.

— Похоже на то.

— Не «похоже». Там над плакатом большие часы. Всегда. И ещё рядом табло с температурой.

Лида знала, почему хочется сразу согласиться. Уверенность возвращала форму происходящему: кто-то снял, кто-то обрезал, кто-то солгал. Но из присланного снимка нельзя было понять, обрезал ли фотографию автор сообщения или телефон Гали.

— На этом снимке часы отрезаны, — сказала она. — Нам нужен файл из чата.

— Ты опять будешь уточнять каждое слово, пока они пишут, что я шляюсь ночью?

— Нет. Я сейчас потребую удалить фотографию и опровержение. А уточнять буду затем, чтобы они не смогли сказать, что мы ошиблись в мелочи.

Даша отбросила одеяло, нашла на полу джинсы.

— Я не пойду сегодня одна.

Лида уже готова была предложить проводить её до класса. Остановилась.

— Как ты хочешь добраться?

— С Алиной. Встретимся у аптеки. Но до аптеки пойдём вместе.

— Хорошо.

— И не пиши папе за меня.

— Не буду.

Даша взяла свой телефон. Сообщение Виктора ждало и там. Она прочла его, нахмурилась и набрала ответ стоя, ещё не надев второй носок.

— Что ты ему написала? — вопрос вырвался у Лиды прежде, чем она успела решить, имеет ли право спрашивать.

Даша подняла глаза.

— Что ночью была дома. А фотографию пусть удалят те, кому он платит.

— Про деньги у нас нет доказательства.

— У тебя никогда ничего нет, пока оно не залезет в квартиру и не представится.

Лида приняла удар, не отвечая. Даша отвернулась к шкафу.

— Я не стану читать твою переписку, — сказала Лида. — Но фраза про платит может дать им повод обсуждать не фотграфию, а обвинение. Решать тебе. Я должна была сказать.

— Уже отправила.

— Тогда уже отправила.

Они вышли через двадцать минут. Лида держала телефон в кармане, хотя он непрерывно вибрировал. На лестничной площадке пахло варёной капустой и влажной собачьей шерстью. У первого этажа две женщины замолчали, когда они появились. Одна смотрела на Дашу с жалостью, другая — с тем любопытством, которое легко выдать за участие.

— Доброе утро, — сказала Лида.

Женщины ответили нестройно. Даша толкнула тяжёлую дверь и вышла первой.

У аптеки Алина ждала с рюкзаком на одном плече. Она подошла к Даше, коротко обняла её и посмотрела на Лиду без улыбки.

— Мама видела, — сказала Алина. — Она сделала скрин до удаления.

— Его удалили? — спросила Лида.

— Только фотку. Сообщение осталось.

Даша достала телефон. В школьном чате уже пересылали тот же кадр. Кто-то наложил на него цифры 23:17 белым шрифтом. В исходном снимке экрана Гали этих цифр не бы-

ло.

— Это добавили потом, — сказала Даша. — Смотрите, шрифт другой.

— Сохрани обе версии, — попросила Лида. — Не пересылай дальше. И отправь классной руководительнице, если сама считаешь нужным.

— Уже отправила, — сказала Алина. — Моя мама тоже написала.

Подошёл автобус. Даша повернулась к Лиде.

— Дальше мы сами.

— Хорошо. Напиши, когда войдёте в школу.

— Напишу.

Лида смотрела, как они садятся не в первую дверь, где толпились люди, а в среднюю. Не пошла следом и не стала фотографировать номер автобуса. Когда двери закрылись, страх не уменьшился. Он просто остался при ней, не превратившись в приказ.

В магазине на углу продавщица раскладывала у кассы шоколадные батончики. Лида показала ей фотографию.

— Узнаёте этот день?

— Девушку вашу узнаю. Вы вместе были. А день откуда я вспомню?

— Позавчера, между четырьмя и пятью. Мы покупали дюбели и отвёртку.

— Чек есть?

Чек лежал в прозрачном файле дома. Лида открыла бан-

ковское приложение и показала списание в 16:26.

Продавщица кивнула на камеру под потолком.

— Запись четыре дня хранится. Только я вам её не дам. Хозяйке звоните или участковому.

— Мне не нужно лицо человека. Можно подтвердить, что мы были здесь днём и что часы над витриной показывали время?

— Часы всегда показывают. Кроме позавчера.

У Лиды сжалось горло.

— Почему?

— Электрик питание выключал. С двух до пяти не работало табло. В пять включили, оно с нулей пошло. Вон акт у меня где-то.

Простое доказательство рассыпалось. Тот, кто обрезал кадр, мог вовсе не скрывать часы: они были погашены. Но дневной свет, покупка и камеры оставались.

— А плакат «Согрейтесь до шести» когда висел?

— Акция до воскресенья. Вчера сняли.

— Можно сфотографировать место, где он висел, и попросить хозяйку сохранить запись за позавчера с шестнадцати до семнадцати?

Продавщица посмотрела на снимок внимательнее.

— Это из-за девочки написали, что ночью?

— Да.

— Я сама видела в чате. Думала, вчера снято. Павел написал, что жильцы беспокоятся.

— Кто выложил фотографию?

— «Сосед 4». У нас половина под номерами сидит, чтобы не ругались лично.

— Павел знает, кто это?

— Он всех добавляет по квартире. Наверное, знает.

Продавщица нашла номер хозяйки на бумаге у кассы и позвонила. Объясняла неловко, повторяя: «Нет, не полиция, мать девочки». Наконец передала трубку Лиде.

Хозяйка согласилась сохранить нужный час и дать письменное подтверждение времени покупки по кассе, но запись — только по официальному запросу. Лида поблагодарила. Этого было достаточно, чтобы опровергнуть ночь, и недостаточно, чтобы установить фотографа.

У выхода она заметила на стекле то, чего не было видно на обрезанном снимке. Справа от места, где стояла Даша, висела белая табличка с режимом работы. Под ней был напечатан номер телефона магазина. В фотографии осталась половина последней цифры. Кадр обрезают со всех четырёх сторон так тесно, чтобы убрать часы, табличку, светлое небо и часть плаката, оставив только девочку и тёмное отражение подъезда напротив.

Лида сфотографировала витрину с разрешения продавщицы и вышла.

Павел ответил на звонок после пятого гудка.

— Доброе утро, Лидия Сергеевна. Я как раз разбираюсь.

— Вы администратор чата?

— Один из.

— Кто опубликовал фотографию моей дочери?

— Человек беспокоится о безопасности детей. Имя без его согласия я не выдам.

— Удалите фотографию и ложную подпись. Снимок сделан позавчера в 16:26, когда Даша была со мной. Покупка подтверждается кассой и банком.

— Фотографию уже убрали, чтобы не раздувать.

— Подпись осталась. Из неё сделали новые картинки с выдуманным временем и разослали школьникам.

— За школьные картинки двор не отвечает.

— Двор отвечает за исходную ложь. Опубликуйте исправление там же: фотография дневная, сообщение о ночной прогулке неверно.

— Я не могу утверждать, когда она сделана, только с ваших слов.

— Вы смогли опубликовать утверждение о ночи без проверки.

— Не я опубликовал.

— Но вы администратор и знаете автора.

Павел помолчал. На заднем плане звякнула посуда, кто-то спросил у него про сахар.

— Давайте без войны, — сказал он. — Я напишу, что время съёмки уточняется. Вы, со своей стороны, объясните соседям, что Даша была со взрослым. Люди успокоятся.

— Зачем объяснять, что ребёнок был со взрослым в по-

ловине пятого дня? Это обычное время. Исправьте ложное сообщение.

— Видите, как вы разговариваете? Вам предлагают мирное решение, а вы требуете публичной казни человека за ошибку.

— Я требую назвать ошибку ошибкой.

— В чате сто восемьдесят жильцов. Если каждый начнёт требовать опровержения на каждую неточную фразу, мы утонем в скандалах.

— Фотография несовершеннолетней с ложным обвинением — не каждая фраза.

— Обвинение в чём? Что поздно гуляла? У нас подростки и позже ходят. Никто преступницей её не называл.

— Тогда почему вы отказываетесь написать правду?

Павел тяжело вздохнул.

— Пришлите чек. Я посмотрю.

— Я пришлю подтверждение времени без номера карты и других покупок. До этого закройте обсуждение.

— Вы даже в домовый чат не вступили, а уже командуете, что там закрывать.

Он отключился.

Ссылку на чат Павел присылал ещё в первый день. Лида не открывала её, не желая отдавать группе номер телефона. Теперь выбора будто не оставалось. Она позвонила Ирине.

Адвокат выслушала и попросила переслать три вещи: первый снимок экрана, школьную версию с нарисованным вре-

менем и подтверждение покупки.

— В чат входить? — спросила Лида.

— Если хотите видеть публикации о себе, входите. Но сначала скройте фотографию профиля, время посещения и номер, если приложение позволяет. Не спорьте со ста восьмьюдесятью людьми. Одно сообщение: фотография сделана тогда-то, сведения о ночной прогулке неверны, просите удалить копии и не распространять изображение ребёнка. Приложите только ту часть чека, где дата, время и магазин.

— Павел отказывается назвать автора.

— Пока просите администратора сохранить данные публикации. Не угрожайте тем, чего не собираетесь делать. И отдельно напишите заявление участковому как дополнение к прежнему обращению. Здесь важна не тяжесть одной подписи, а повторяемость: съёмка, передача, ложный контекст.

— Виктор уже требует объяснений.

— Виктор имеет право спросить дочь. Публично распространять ложь о ней он права не получает. Есть признаки, что он связан с публикацией?

— Нет. Только то, что он увидел её сразу.

— Тогда так и держите: увидел сразу. Не заказал, не оплатил, не велел.

После разговора Лида установила настройки и вошла в группу под своим именем. Заявку одобрили почти мгновенно. На экране возник поток поздравлений, объявлений о потерянном шарфе, фотографий неправильно припарко-

ванных машин и сердитых голосовых сообщений о мусоре. Между ними стояло сообщение Павла:

«Фотография удалена по просьбе матери. Точное время съёмки проверяется. Просьба сохранять спокойствие и не переносить семейный конфликт в общий чат».

Так ложь о ночи превратилась в семейный конфликт, а её исправление — в нарушение спокойствия.

Под сообщением уже было двадцать семь ответов.

«Павел опять крайний потому что помогает».

«Я лично видела эту девочку вечером, ничего такого».

«А зачем мать вообще вернулась если ей все мешают».

«Не выкладывайте детей, и спорить не о чем».

«Виктор нормальный отец, давно его знаю».

Лида задержала палец над последней строкой. Её написал «Сосед 4» — тот же пользователь, который выложил фотографию. Профиль был пустым, номер скрыт. Участник находился в группе с марта прошлого года.

Она подготовила короткое сообщение, перечитала и убрала фразу о намеренном обрезании. Вместо неё написала то, что могла подтвердить.

«На удалённой фотографии моя пятнадцатилетняя дочь Даша. Снимок сделан позавчера около 16:26 у магазина, когда она ждала меня во время покупки. Это подтверждают кассовая операция и магазин; видеозапись сохранена по просьбе владельца. Сведения о прогулке после 23:00 неверны. Прошу не распространять фотографию и удалить копии

с добавленным временем».

Она прикрепила узкий фрагмент электронной квитанции: дата, 16:26, название магазина, сумма. Имя и последние цифры карты закрыла.

Первые несколько секунд ничего не происходило. Потом под сообщением появились отметки о прочтении. «Сосед 4» вышел из сети. Павел поставил серую галочку, которой обычно отмечал принятые заявки, но ничего не написал.

Галя прислала в личные сообщения: «Ну вот и разобрались. Но вы тоже не обижайтесь люди переживают».

Лида ответила: «Переживание не исправляет ложную подпись».

Галя набирала долго. Потом прислала: «Вы новенькая не знаете сколько Павел для всех сделал».

В одиннадцать позвонила классная руководительница. Даша сидела на уроке, а картинка с выдуманным временем разошлась по двум классам. Учительница попросила Лиду приехать, но не за дочерью, а для разговора после занятий.

— Даша не хочет уходить с уроков, — сказала она. — Я поддерживаю. Сейчас мы удаляем изображение из школьных групп. Она держится, но злится.

— Есть повод.

— Есть. Только я обязана спросить: она действительно была ночью дома?

Лида почувствовала, как вопрос вонзается именно туда, куда его направляли. Даже после опровержения требовалось

доказать не время снимка, а всю ночь целиком.

— Да. Вечером мы вместе вешали шторы, после десяти обе были дома. Но важнее другое: опубликованная фотография не доказывает ночной прогулки. Если появится отдельный факт, обсудим его отдельно.

Учительница помолчала.

— Согласна. Простите, что повторила чужую постановку вопроса.

В полдень «Сосед 4» написал в домовом чате: «Если ошибся со временем, приношу извинения. Но суть остаётся: мать создаёт панику из-за машин, пока ребёнок без присмотра. Фото получил от человека, который желает семье добра».

Павел закрыл ответы к сообщению через минуту. Исходную ложь он не удалил.

Лида сохранила снимок экрана, ссылку на сообщение и список администраторов. Её пальцы дрожали, но не от сомнения. Теперь механизм был виден в работе. Не нужно было доказывать, что Даша гуляла ночью. Достаточно было бросить фотографию, заставить мать оправдываться, а после опровержения перенести спор к «сути», которую нельзя проверить: хороший ли у неё надзор, спокойна ли она, достойна ли доверия.

В 12:14 Виктор прислал длинное сообщение.

«Я поговорил с Павлом. Он считает, что вышло недоразумение, но соседи действительно обеспокоены. Ты за три дня вызвала полицию, проверяла ремонтников, конфликтовала

с сантехником и теперь устроила разбирательство в общем чате. Я предлагаю не усугублять. Пусть Даша поживёт у меня неделю, пока ты приведёшь квартиру и себя в порядок».

Лида прочла дважды. Формулировки были почти теми же, что в чате: недоразумение, обеспокоены, не усугублять. Только вывод появился новый — отдать Дашу.

Она не ответила Виктору. Переслала сообщение Ирине и внесла в свой файл время. Потом дополнила обращение участковому: приложила исходный снимок, опровержение, квитанцию и ссылку на публикацию. Писала простыми предложениями. Не «кампания травли», а «неизвестный участник разместил». Не «сговор», а «после публикации бывший супруг сослался на обеспокоенность соседей и предложил изменить место проживания дочери».

Когда Даша вернулась, Лида встретила её не у подъезда, а в кухне. Дочь вошла сама, бросила рюкзак на стул и сразу заметила распечатанное сообщение Виктора.

— Неделю у него? — спросила она.

— Он предложил. Я не соглашалась и не отказывалась за тебя.

— Я не хочу.

— Тогда так ему и скажем. Ты можешь написать сама, а я отдельно сообщу свою позицию.

— В школе все решили, что я сбежала ночью, потому что ты сумасшедшая.

Лида не стала поправлять грубое слово.

— Все?

— Хорошо, не все. Семь человек написали. Остальные читали.

— Мне жаль, что это случилось с тобой.

— Не надо «мне жаль». Узнай, кто снял.

— Я постараюсь. Магазин сохранил запись, участковому отправлено дополнение. Павел знает автора, но не называет.

— А в чате?

Лида показала ей своё сообщение и ответ «Соседа 4». Даша прочитала, сжав губы.

— «Человек, который желает семье добра». Это папа так говорит. Всегда. Когда ставил мне программу на ноутбук, сказал: «Когда-нибудь поймёшь, что я желаю тебе добра».

— Это распространённая фраза.

— Ты его защищаешь?

— Нет. Я отделяю узнаваемую фразу от доказательства. Но сохраню совпадение.

Даша подошла к окну и отодвинула край шторы. Во дворе Павел разговаривал с мужчиной у детской площадки. Рядом стояла Галя, придерживая таксу ногой. Павел достал из папки несколько белых карточек и раздал им. Мужчина положил свою в нагрудный карман, Галя прочла и перевернула.

— Что это? — спросила Даша.

Лида посмотрела внимательнее. На верхней строке карточки крупно было напечатано имя. Ниже шли короткие строки с цифрами.

В чат пришло сообщение Павла: «Сегодня обойду пожилых и семьи с детьми, обновим экстренные контакты. После утренней ситуации особенно важно знать, кому звонить, если ребёнок или одинокий сосед окажется без помощи».

Под сообщением быстро появились поднятые большие пальцы.

— После утренней ситуации, — повторила Даша. — То есть после их вранья.

Лида закрыла шторы.

— Да. И теперь это враньё используют, чтобы собрать новые сведения.

На этот раз ей не понадобилось добавлять «пока не знаём». Они обе видели карточки у Павла в руках и его просьбу на экране.

Через минуту в дверь позвонили.

Не постучали, как соседи, а нажали кнопку дважды с коротким промежутком. Даша осталась в кухне. Лида подошла к двери и посмотрела в глазок.

На площадке стоял Павел. В одной руке он держал папку, в другой — белую карточку с напечатанными фамилиями Лиды и Даши. Несколько строк уже были заполнены.

Глава 6. Список помощи

Павел держал карточку так, чтобы Лида увидела фамилии сквозь глазок. Это могло быть случайностью, но лист был повернут к двери лицевой стороной, а большой палец закрывал нижний край.

— Кто? — спросила Лида, не отпирая.

— Меркулов. По экстренным контактам.

— Мы ничего не заказывали.

— Это не заказ. После утренней истории обновляем сведения по детям и одиноким жильцам. Две минуты.

Даша вышла в прихожую. На её лице ещё держалась злость из-за фотографии, и Лида испугалась не за неё, а за себя: одно резкое слово дочери могло показаться разрешением открыть дверь и высказать всё сразу.

— Я поговорю через дверь, — сказала Лида.

— Мам, он уже всё написал.

Павел услышал.

— Только базовые вещи, Даша. Имя, квартира, телефоны родителей. Ничего секретного.

Лида включила запись на телефоне и положила его на тумбу. Не прятала: камера смотрела в стену, на экране шёл счётчик.

— Павел, перечислите, какие сведения уже есть на карточке.

— Откройте, сами увидите.

— Перечислите.

За дверью зашуршала бумага.

— Воронова Лидия Сергеевна, Воронова Дарья Викторовна, квартира сто двенадцать. Ваш телефон, телефон отца, школа девяносто три, девятый «Б». Запасной контакт пока пустой. Есть пометка, что недавно переехали.

Даша беззвучно произнесла: «Девятый Б».

— Откуда у вас номер Дашиной школы и класс? — спросила Лида.

— Виктор дал на случай чрезвычайной ситуации.

— Я не давала согласия собирать карточку.

— Это телефонный список добровольцев, а не государственный реестр. Хотите — порвите свою.

— Вы уже внесли сведения в другой список или файл?

— Господи, опять допрос. Карточки лежат у меня в папке. Когда трубу прорывает или бабушка не отвечает, не до ваших согласий. Нужно знать, кому звонить.

— Покажите карточку в глазок ближе.

Павел усмехнулся, но поднял лист. Лида увидела типографские строки и записи, сделанные разными способами. Фамилии и адрес были напечатаны. Телефоны — тоже. Школа и класс вписаны синей ручкой. В правом верхнем углу стояли две буквы: «НК». Ниже, под пальцем Павла, виднелось начало строки: «с матерью...»

— Что написано внизу?

Павел опустил карточку.

— Служебная пометка.

— Какая у добровольца может быть служебная пометка о моей семье?

— Что связываться лучше через мать. Вы же этого хотите?

— Нет. Покажите дословно.

— Открывайте дверь, забирайте и читайте.

— Просуньте под дверью.

— Там противопожарный порог, не пролезет.

— Тогда положите на коврик и отойдите к лестнице.

Снова шорох. Павел молчал достаточно долго, чтобы стало ясно: карточку он отдавать не собирался.

— Лидия Сергеевна, — заговорил он наконец мягче, — я понимаю, у вас тяжёлый развод. Но нельзя воевать со всеми, кто пытается подстраховать ребёнка. Сегодня вы сами увидели, как быстро слух разлетается. Был бы у людей правильный контакт, позвонили бы вам, а не писали в чат.

— Правильный контакт у них появился бы, если бы вы не скрыли автора ложной подписи.

— Значит, отказываетесь участвовать?

— Требую удалить сведения обо мне и Даше и письменно сообщить, от кого вы их получили и кому передавали.

— Я не обязан.

— Тогда зафиксируйте отказ.

— Записываете?

— Да.

Две секунды за дверью не было ни звука. Потом Павел сказал уже обычным голосом:

— Ладно. Свою карточку можете забрать у меня вечером после семи. Я отмечу отказ. Если что-то случится, надеюсь, вы не спросите, почему никто не помог.

Шаги пошли к лестнице. Лида дождалась хлопка двери этажом ниже и выключила запись.

— Там было «с матерью», — сказала Даша. — Я видела.

— Я тоже.

— Что дальше?

— Не знаем.

— «С матерью конфликт»? «С матерью опасно»?

— Может быть. А может, «с матерью проживает». Нужно увидеть.

Даша ударила ладонью по стене, несильно, больше от бессилия.

— Он специально не показал.

— Да.

Лида вернулась на кухню и записала слова, которые точно различила. Рядом поставила вопрос: что означает «НК»? Наименование категории, инициалы того, кто сообщил, пометка о новом контакте — вариантов было много.

В домовом чате люди благодарили Павла. Одинокая женщина из второго подъезда написала, что в январе он дозволился её сыну, когда она упала в ванной. Мужчина с шестого этажа напомнил, как Павел нашёл хозяйку пустующей квар-

тиры во время протечки. Галя прислала фотографию своей карточки на кухонном столе; телефон сына и ветеринарной клиники она прикрыла ладонью, но в кадр попали пометки «диабет» и «ключ у кв. 64».

Лида написала ей лично: «На карточке есть медицинские сведения и место запасного ключа. Вы разрешали хранить это вместе?»

Галя ответила голосовым, будто печатать было слишком долго:

— Лид, ну чего ты ко всему цепляешься? Я сама сказала. Если сахар упадёт, пусть знают. А ключ у Тамары, Павел и так знает. Он мне в прошлом году дверь открывал, когда я сумку в такси оставила. Удобно же. Ты сейчас всех напугаешь, потом никто никому стакан воды не принесёт.

Лида прослушала дважды. Для Гали карточка не была ловушкой. Она обменяла сведения на помощь осознанно, и помощь действительно получила. От этого список не становился безопасным для тех, кого внесли без спроса.

Она ответила: «Если вы сами сообщили и понимаете, кто видит карточку, это ваше решение. Наши сведения внесли без согласия. Я спрашиваю только о них».

Галя поставила сердечко, словно спор закончился примирением.

Даша собралась делать уроки, но каждые несколько минут смотрела на телефон. В школьной группе картинку удалили, в личных переписках она оставалась. Алина прислала имена

двоих одноклассников, переславших её дальше. Даша хотела написать каждому, потом передумала.

— Если я отвечу, они сделают скрин ответа, — сказала она. — Если не отвечу, решат, что правда.

— Ты не обязана управлять тем, что они решат.

— Удобно. Ты сама весь день пытаешься управлять тем, что решили соседи.

Лида села напротив.

— Да. Потому что боюсь последствий для тебя и для решения о том, где ты будешь жить. Но я не могу исправить каждую чужую мысль. Могу сохранить ложь, дать проверяемое опровержение и не позволить ей стать единственной версией.

— А я что могу?

— То же самое. И выбрать, кому отвечать. Я помогу, если попросишь.

Даша открыла тетрадь по алгебре. Через минуту сказала:

— Классной отвечу. Остальным нет.

В половине шестого позвонила Нина Аркадьевна.

— Павел к вам ходил с картотекой? — спросила она без приветствия.

— Только что. У него была заполненная карточка на нас. Вы давали ему свои сведения?

— Телефон племянника — давала года три назад. Потом попросила вычеркнуть.

— Почему?

— Потому что племянник умер. А Павел ещё два месяца ему звонил, когда у меня свет в окне не загорался. Я сказала: хватит беспокоить мёртвого человека. Он обиделся.

Лида не нашлась с ответом сразу.

— Простите.

— Не вы же звонили. Сегодня он новую карточку принёс. Там племянника нет, зато есть номер соседки снизу и слово «сердце». Как будто я сама не знаю, где у меня сердце.

— Вы сообщали диагноз?

— Он скорую мне вызывал прошлой зимой. Тогда пригосился. Только одно дело — сказать диспетчеру, другое — носить в папке по двору.

— Можно я запишу, что вы это рассказали?

— Себе записывайте. Другим от моего имени не показывайте.

— Хорошо.

— И не делайте из меня беспомощную. У меня давление было, а не последняя воля.

— Не буду.

Нина помолчала.

— На вашей карточке буквы были?

— «НК» в углу.

— Новый контакт, может быть. У меня «ОН».

— Что это значит?

— Павел сказал: одинокий нуждающийся. Я сказала, что он сам нуждающийся, только в благодарности. Не понравив-

лось.

Лида записала буквы отдельно. Категории могли быть безобидными: кому звонить при аварии, кто нуждается в обходе. Но слово «одинокий» уже превращало помощь в ярлык, а ярлык позволял решать за человека.

— У вас карточка осталась? — спросила она.

— Я её не взяла. Пусть свою макулатуру сам хранит.

— Если он снова придёт, не спорьте из-за нас.

— Вы мне ещё расписание составьте.

— Простите. Это прозвучало как указание.

— Именно. Я сама разберусь. А вы свою карточку получите. Бумага иногда честнее человека: на ней видно, что написано позже.

Эта фраза вернула Лиде рабочее зрение. Она вспомнила синюю ручку, печатные телефоны, буквы в углу. Разные слои сведений. Если карточку дадут, можно установить хотя бы порядок заполнения: что печатали заранее, что внесли после истории с фотографией, что исправляли.

В семь без пяти она написала Павлу, что придёт за карточкой одна. Даша подняла голову от тетради.

— Почему одна?

— Потому что это мои переговоры со взрослым человеком. Ты можешь пойти, если хочешь, но не обязана быть свидетелем спора о своих данных.

— Я останусь. Только дверь никому не открою.

Лида надела куртку, взяла прозрачный файл и ручку. Пе-

ред выходом отправила Даше сообщение: «Иду в кв. 37, вернусь до 19:20». Не потому, что дочь должна была её контролировать, а потому, что ясное обещание отличалось от исчезновения.

Квартира Павла находилась во втором подъезде на втором этаже. Дверь была открыта. В прихожей стояли складной стул и маленький стол, похожий на место выдачи справок. На стене висела пробковая доска с телефонами аварийных служб. Перед Лидой ждала женщина в рабочем халате; Павел заполнял её карточку.

— Аллергия на пенициллин есть? — спросил он.

— Вроде нет.

— Тогда пусто оставим. Ключ кому доверяете?

— Дочке, кому ещё.

— Номер дочки прежний?

Женщина продиктовала. Павел не просил показать согласие дочери и не объяснял, где будет хранить номер. Закончив, протянул карточку хозяйке.

— Проверяйте.

Она пробежала глазами, подписала и вернула ему.

— А копию мне?

— Зачем? Это у меня для дежурных.

— Каких дежурных?

— По подъездам. Если меня нет, старшие берут папку.

Женщина кивнула, будто это было известно, и ушла. На лестнице столкнулась с Лидой.

— Не задерживайте Палыча, — сказала она. — Ему ещё третий подъезд обходить.

Павел поставил папку на колени.

— Ваша карточка, как обещал.

Он протянул лист. Лида взяла его за края и не села.

Теперь нижняя строка была видна целиком: «с матерью, конфликт родителей, контроль НК». Буквы стояли и в углу. Слова «контроль НК» написаны тем же синим стержнем, что школа и класс. Телефоны Виктора и Лиды напечатаны вместе с фамилиями.

— Что означает «контроль НК»?

— Нужен контакт, — ответил Павел слишком быстро.

— Тогда почему перед буквами слово «контроль»?

— Контроль нового контакта. Проверить, работает ли номер.

— Вы только что сказали, что «НК» — нужен контакт.

Павел откинулся к стене.

— Сокращения внутренние, могу путать. Карточку вы забираете, вопрос закрыт.

— Кто напечатал фамилии и телефоны?

— Я подготовил форму по списку жильцов.

— В списке жильцов нет мобильных телефонов и Дашиного класса.

— Номер Виктора у меня был. Ваш он прислал, когда попросил помочь с переездом. Про школу вы сами говорили.

— Класс я вам не называла.

— Значит, Виктор.

— Что именно он сказал о конфликте родителей?

— То, что вы в разводе и по срочным вопросам лучше звонить обоим.

— На карточке написано не это. Здесь «контроль».

— Вы читаете бумагу как шифровку. Это рабочая пометка, чтобы при звонке ребёнка убедиться, что оба родителя в курсе.

— То есть вы собирались сообщать Виктору о звонках Даше, даже если она позвонит мне?

— Я собирался не допустить, чтобы один родитель скрыл происшествие от другого.

— Кто дал вам право решать это?

— Никто не давал. Как никто не даёт право ночью вытаскивать старика из ванной. Просто потом все благодарят.

— А если Даша попросит не сообщать отцу, где она находится?

— Вот тогда я и пойму, что ситуация опасная.

Лида посмотрела на папку. Она была толстой, разделённой цветными картонками. На первой виднелось: «Дети». Следом — «Одинокие», «Здоровье», «Ключи». Павел заметил взгляд и закрыл папку ладонью.

— Сколько людей имеют к ней доступ? — спросила Лида.

— Старшие подъездов.

— Имена?

— Вы не участник системы, вам незачем.

— Там наши данные.

— Уже нет. Карточка у вас.

— Есть ли копия?

— Нет.

— Откуда тогда напечатанный лист?

— Шаблон на компьютере.

— Значит, электронная копия есть.

— Шаблон пустой.

— Фамилии и телефоны напечатаны. Вы распечатали заполненный файл.

Павел улыбнулся без тепла.

— Вот поэтому с вами невозможно по-человечески. Я отдаю бумагу, вы придумываете вторую бумагу. Удаляю строку из файла, если она там осталась. Ещё что-нибудь?

— Да. Напишите на карточке, что сведения внесены без согласия и удалены из электронного файла сегодня.

— Не буду портить документ.

— Тогда я сама отмечу, что вы отказались.

Лида положила карточку на стол, написала на свободном поле дату, время и фразу: «Получено от П. Меркулова; сообщил устно, что удалит строку из файла; подтверждение удаления не предоставил». Сфотографировала лист на столе и убрала в прозрачный файл.

Павел смотрел на неё с тем выражением, с каким смотрят на человека, который вынул линейку во время пожара.

— Ваш отец был другим, — сказал он. — Доверял людям.

— Мой отец давал вам сведения обо мне?

— Он понимал, что один не справится, если станет плохо.

— Какие сведения?

— Телефон нотариуса, ваш старый номер, адрес мастерской. Всё лежало у него на холодильнике. Он просил позвонить, если неделю не увидим.

Лида почувствовала холод в животе.

— Где эта записка?

— Наверное, выбросили после похорон.

— Кто «вы»?

— Я помогал разбирать скоропортящееся, выключал воду. Вы же читали акт.

— Вы брали лист с холодильника?

— Чтобы связаться с вами. Номер уже не работал.

— И перенесли данные в файл?

— Не помню. Прошло полгода.

Лида вспомнила чистую дверцу холодильника в день приезда. На ней остались два круглых следа от магнитов, но ни одной записки. Тогда она решила, что отец сам снял всё перед больницей.

— Адрес мастерской вы передавали Виктору?

— Зачем ему ваш старый адрес?

— Я спросила, передавали ли.

— Нет.

Ответ прозвучал быстро и ровно. Проверить его сейчас было невозможно.

На площадке появились двое мужчин. Один держал карточку, другой — связку ключей с жёлтой биркой.

— Палыч, мы по подвалу, — сказал первый. — Ты закончил?

— Почти.

Павел встал. Разговор был окончен не потому, что вопросы закончились, а потому, что пришли люди, для которых он оставался человеком с нужным ключом.

— Лидия Сергеевна, — сказал он достаточно громко, чтобы слышали мужчины, — вашу просьбу выполнил, личные сведения отдал. Надеюсь, теперь вы позволите нам заниматься домом.

Лидя не стала объяснять незнакомцам разницу между отданной карточкой и не подтверждённым удалением файла.

— До свидания.

На лестнице она встретила Гаю. Та несла контейнер с пирогом.

— Павлу, — пояснила она. — Он с обеда бежит, не ел. Забрала карточку?

— Да.

— Ну и хорошо. А я оставила. У меня сын в другом городе, мало ли что.

— Это ваше решение.

Гая удивилась отсутствию спора.

— Правда так думаешь?

— Да. Если вы знаете, что записано, кто читает и можете

забрать. Я этого не знала.

— Палыч иногда перебарщивает. Но без него дом развалится.

— Возможно. Только дом не должен держаться на одном человеке, который знает, где чужие ключи и больные сердца.

Галя посмотрела на контейнер.

— А на ком ему держаться? На управляющей компании? Они кран неделю меняют.

Лида не нашла честного короткого ответа. Павел занял пустое место, которое оставили равнодушные службы и занятые родственники. Пока он приносил лекарства и открывал подвал, никто не спрашивал, сколько сведений он собирает вместе с благодарностью.

— Не знаю, — сказала она. — Но доступ можно разделить между несколькими людьми. И хранить только то, что человек сам разрешил.

— Это собрание нужно, правила, опять бумажки.

— Да. Иногда бумажки нужны, чтобы доброта не зависела от настроения одного человека.

Галя покачала головой и пошла вверх.

Дома Лида положила карточку под настольную лампу. Даша встала рядом. Они читали молча: фамилии, телефоны, школа, класс, конфликт родителей, контроль НК.

— Он врёт про «нужен контакт», — сказала Даша. — Контакты уже есть.

— Да. Но расшифровку мы пока не знаем.

— Папа знает.

Телефон Даши лежал на столе. Она открыла переписку с Виктором и сама набрала: «Что значит НК на карточке Павла про меня?»

Ответ пришёл почти сразу: «Не знаю, о чём ты».

Через полминуты позвонил телефон Лиды.

Виктор не поздоровался.

— Ты добралась уже до списков помощи? — спросил он.

— Тебе обязательно поссориться со всем домом?

— Откуда ты знаешь, что я была у Павла?

— Даша пишет загадками. Что за карточка?

Лида посмотрела на дочь. Та покачала головой и показала свой экран: только один вопрос про НК, без рассказа о визите.

— Спроси Павла, — сказала Лида. — Он сообщил тебе быстрее, чем ты успел позвонить мне.

— Он попросил объяснить тебе, что список нужен для безопасности.

— Значит, ты знаешь о карточке. Что означает «контроль НК»?

На линии стало тихо.

— Контроль неблагополучного контакта, наверное.

Лида записала фразу дословно.

— Какого контакта?

— Лида, не начинай.

— Павел дважды расшифровал иначе. Ты сейчас дал тре-

тью версию. Кого из нас на карточке считают неблагополучным?

Виктор выдохнул.

— После того случая любой нормальный взрослый должен проверять, не заперла ли ты её снова.

Даша слышала. Лицо у неё изменилось не от удивления, а от узнавания старой опасности, которую они обе до сих пор обходили словами.

— Какого случая? — спросила Лида, хотя знала ответ.

— Не заставляй меня говорить это при ней.

— Ты уже сказал при ней.

Виктор отключился.

На кухне остался свет лампы, белая карточка и строка, которая внезапно обрела смысл хуже любой придуманной расшифровки. Павел собирал не только телефоны. Он собирал версии людей друг о друге, сокращал их до двух букв и носил по квартирам как сведения для спасения.

Даша села.

— Теперь расскажешь всё? — спросила она.

Лида посмотрела на закрытые зелёные шторы. За ними были окна, в которых уже существовала короткая версия её поступка. Если она снова отложит разговор, Виктор и Павел напишут продолжение сами.

— Да, — сказала она. — Но сначала я расскажу, что помню сама. Без оправданий.

Глава 7. Слова Виктора

Карточка лежала на кухонном столе в прозрачном файле. Синяя строка «контроль НК» казалась темнее остальных, хотя чернила были обычными. Лида зажгла верхний свет, потом выключила: под ним пластик бликовал и закрывал слова. Настольная лампа отца освещала лист сбоку, и вдавленные следы проступали на полях, как царапины под водой.

Даша ждала рассказа. Она не села, а прислонилась к подоконнику, скрестив руки. За её спиной в окнах напротив двигались люди: мужчина снимал рубашку с сушилки, девочка поливала цветы, на пятом этаже кто-то нёс к столу кастрюлю. Обычная жизнь выглядела спокойной только издалека.

— Ты сказала, что расскажешь, — напомнила Даша.

— Расскажу.

Лида убрала карточку в папку. Ей хотелось сначала позвонить Ирине, подобрать точные слова, проверить даты в старом телефоне. Это было бы похоже на работу: собрать листы, очистить края, восстановить последовательность. Но дочь просила не заключение специалиста.

— Это было в феврале, — сказала Лида. — В субботу после дня рождения Киры. Тебе было четырнадцать.

— Я помню, сколько мне было.

— Да. Прости.

Даша отвела взгляд во двор. Лида положила ладони на стол, чтобы не сцеплять пальцы.

В тот вечер Даша собиралась на концерт в небольшом клубе у вокзала. Билет ей подарила Кира, взрослый брат Киры обещал встретить девочек после выступления и отвезти домой. Виктор был в командировке, Лида задержалась в мастерской. За день до этого в родительском чате переслали сообщение о подростке, пропавшем в соседнем районе. Позже выяснилось, что девочка ночевала у подруги и боялась вернуться из-за ссоры, но первое сообщение Лида увидела без продолжения: фотография, возраст, просьба проверить подвалы и станции.

Она позвонила Даше и попросила не идти. Даша ответила, что билет куплен, Кира уже едет, а брат встретит. Лида сказала «нет» ещё раз, не объяснив ничего, кроме того, что место плохое и время позднее. Даша назвала это очередной страшилкой из чата и перестала отвечать.

— Ты пришла домой раньше меня, — сказала Лида. — Я решила, что ты всё равно уйдёшь, как только я отойду от двери.

— Я так и сказала.

— Да.

Она помнила Дашу в чёрной куртке, с серебряной полосой под глазами и маленькой сумкой через плечо. Помнила, как дочь стояла в прихожей и требовала вернуть ключ. Лида вытащила его из замка, закрыла дверь изнутри и положила

ключ в карман. Потом забрала телефон.

— Не просто забрала, — сказала Даша. — Ты выключила роутер.

— Да. Ты взяла планшет и написала Кире. Я выключила роутер и унесла твой телефон в ванную.

— А потом?

Лида заставила себя не добавлять «я была в панике». Паника объясняла движение рук, но не отменяла его.

— Потом ты пошла к двери. Я встала перед ней. Ты сказала, что позовёшь соседей. Я закрыла окно на кухне, потому что решила, что ты будешь кричать во двор. Ты потребовала позвонить папе. Я не дала. Сказала, что мы обе успокоимся и тогда поговорим.

— Мы не говорили.

— Нет. Я ходила за тобой из комнаты в комнату и повторяла, что делаю это ради твоей безопасности. Ты заперлась в ванной. Я сидела под дверью почти до полуночи.

— Два часа сорок минут.

Лида подняла глаза.

— Ты считала?

— На стиральной машине были часы. Я считала всё, потому что больше делать было нечего.

Слова Виктора о неблагоприятном контакте можно было разобрать, показать чужую выгоду, сравнить с фактами. Два часа сорок минут не требовали толкования.

— Утром я вернула телефон, — сказала Лида. — Увидела

сообщения Киры и её брата. Они ждали у клуба, звонили мне. Я не отвечала, потому что поставила свой телефон на беззвучный.

— Ты написала Кире, что я заболела.

— Да. Без твоего разрешения.

— А папе?

— Виктору я сказала, что мы поссорились и ты осталась дома. Не сказала, что забрала телефон и ключ. Ты рассказала ему сама через два дня.

Даша кивнула. На её лице не было удивления. Она проверяла, что Лида не оставит удобных пустот.

— Почему ты сейчас называешь это «эпизодом»? — спросила она.

— Потому что так сказала Ирина. Для документов.

— А дома?

Лида посмотрела на входную дверь. Новая личинка блестяла в замке, рядом на крючке висел Дашин ключ.

— Я заперла тебя дома, отняла связь и не дала позвать взрослого, которому ты доверяла. Я сделала тебя безопасной только в том смысле, который сама придумала. На самом деле я напугала тебя.

Даша разжала руки. На миг Лида подумала, что дочь пойдёт, но та лишь поправила рукав.

— Ты боялась, что я уйду через окно? Мы на седьмом этаже.

— Я не думала последовательно. Я увидела сообщение о

пропавшей девочке, а потом тебя у двери. Мне казалось, если я позволю тебе выйти, случится непоправимое.

— Сообщение оказалось неправдой.

— Девочка действительно пропала для родителей. Но была у подруги. Это неважно. Даже если бы с ней случилось страшное, я не получила бы права лишить тебя связи.

— Папа сказал, ты потом хотела поставить замок с ключом только изнутри.

— Я искала такие замки в интернете. Не купила. Виктор увидел историю поиска на общем ноутбуке.

— Почему не купила?

Вопрос был опаснее обвинения. В него легко было подложить правильный ответ и получить прощение, которого Лида не заслужила одним отказом от покупки.

— Утром я увидела, как ты проверяешь, открывается ли дверь. Ты дёрнула ручку три раза, хотя ключ уже был у тебя. Тогда я поняла, что сделала. Не всё поняла, наверное. Но достаточно, чтобы не ставить второй замок.

— И никому не рассказала.

— Ирине рассказала перед разводом. Психологу на одной встрече. Больше никому.

— Бабушке?

— Нет.

— Деду?

— Нет.

Отец Лиды тогда ещё был жив. Он бы не устроил суда на

кухне. Скорее снял бы очки, вытер их и спросил, где в этой истории Даша могла открыть дверь сама. Лида не хотела слышать ответ, поэтому не пришла.

— Почему мы уехали сюда? — спросила Даша. — Потому что ты думала, папа использует это в суде?

— Не только. Квартира освободилась, аренда стала дорогой, до твоей школы отсюда можно ездить. Я хотела уйти из дома, где Виктор входил без предупреждения и проверял комнаты. И да, я знала, что он использует тот вечер. Я надеялась, что здесь мы сможем пожить спокойно до соглашения.

— То есть ты всё-таки увезла меня от него.

— Я переехала и предложила тебе ехать со мной. Но предложение было не совсем свободным. Я торопила, рассказывала о преимуществах и мало говорила о том, что ты потеряешь. Это тоже правда.

— А если бы я сказала, что останусь?

Лида вспомнила коробки в коридоре, машину внизу, Виктора, стоявшего в дверях с руками в карманах. Он не просил Дашу остаться. Он сказал: «Решай сама, только потом не жалуйся, что мать опять всё решила». Выбор уже был отравлен.

— Я не знаю, — ответила Лида. — Мне хочется сказать, что разрешила бы. Но тогда я была уверена, что у него тебе хуже. Возможно, я начала бы уговаривать и давить. Не буду придумывать хорошую версию себя.

Даша подошла к столу и вынула карточку из папки. Прочитала строку, перевернула лист. На обороте проступали

следы чужих записей: карточку заполняли на стопке других.

— «Неблагополучный контакт» — это про тот вечер?

— Так сказал Виктор. Павел дважды объяснил буквы иначе.

— Но папа знал, что там написано.

— Похоже на то.

— Позвони ему.

— Сейчас?

— Сейчас. По видео.

— Ты уверена?

— Нет. Но если ты сначала позвонишь Ирине, вы решите, что мне можно слышать. Я не хочу.

Лида взяла телефон. Ей хотелось предупредить: Виктор умеет говорить так, будто заканчивает фразу, начатую другим. Он редко лгал целиком. Он выбирал из правды те части, которые делали его необходимым. Но такое предупреждение тоже могло стать способом заранее обесценить всё, что он скажет.

— Хорошо. Я включу запись экрана и скажу ему об этом.

— Зачем?

— Чтобы у нас остались точные слова. И потому что скрытая запись сейчас даст ему повод обсуждать не разговор, а запись.

Даша согласилась. Они сели по разные стороны стола. Лида поставила телефон между ними и вызвала Виктора. Он ответил сразу, будто держал аппарат в руке.

На экране появилось его лицо и белая стена кабинета. Галстука не было, верхняя пуговица рубашки расстёгнута. За плечом стоял стеклянный шкаф с папками. Виктор посмотрел не в камеру, а чуть ниже, проверяя, кто в кадре.

— Наконец-то, — сказал он. — Даша, ты в порядке?

— Мы обе здесь, — ответила Даша. — Мама записывает экран.

Виктор перевёл взгляд на Лиду.

— Конечно записывает.

— Ты согласен продолжать? — спросила Лида.

— Я согласен забрать дочь из места, где на неё охотятся неизвестные фотографии, а мать занята составлением протокола.

— Не говори обо мне как будто меня нет, — сказала Даша.

Выражение Виктора изменилось сразу. В нём появилась мягкость, от которой Лиде когда-то становилось легче.

— Прости. Я волнуюсь. Ты можешь сегодня приехать ко мне. Водитель внизу будет через сорок минут.

— Я не просила водителя.

— Поэтому я предлагаю. Тебе не надо ничего решать надолго. Переночуешь, утром поедешь в школу от меня.

— А мама?

— Мама взрослая. Она выбрала эту квартиру и этот двор. Даша подтянула к себе карточку.

— Что такое «НК»?

Виктор помолчал ровно столько, чтобы ответ перестал ка-

заться случайным.

— Я уже написал Лиде. Неблагополучный контакт. Так Павел помечает ситуацию, когда ребёнок может остаться без связи с безопасным взрослым.

— Он сказал, что это «нужен контакт», — произнесла Лида. — Потом — «новый контакт».

— Значит, спроси у него, почему он испугался собственных обозначений.

— Откуда ты знаешь расшифровку?

— Мы обсуждали, кому звонить, если Даша обратится за помощью.

— Когда?

— Перед вашим переездом.

— Ты просил Павла следить за Дашей?

— Я просил взрослого человека не закрывать глаза, если моя дочь окажется ночью одна во дворе или не сможет войти домой.

— Почему она может не войти домой? — спросила Лида.

— Ты правда заставишь меня сказать это при ней?

Даша придвинулась к телефону.

— Я попросила маму рассказать. Она рассказала. Теперь скажи ты.

Виктор выдохнул и опустил глаза. Жест был хорошо знаком: так он показывал, что его вынуждают причинить боль правдой.

— Твоя мама однажды заперла тебя и забрала телефон.

После этого она искала замок, который нельзя открыть без ключа. Я не знаю, что будет, если она снова испугается. Поэтому попросил Павла помочь тебе связаться со мной.

— Для этого ему нужен мой класс? — спросила Даша.

— Чтобы найти тебя через школу в чрезвычайной ситуации.

— И фотография возле магазина?

— Я не делал эту фотографию.

— Я не это спросила.

Виктор посмотрел на неё внимательнее.

— Я узнал о фотографии от Павла. Так же, как вы.

— Ты написал маме про соседей до того, как Павел удалил пост.

— Потому что мне переслали.

— Кто?

— Человек из дома.

— Имя.

— Я не стану втягивать людей в ваш конфликт.

Лида услышала в этой фразе Павла почти дословно. Возможно, они просто пользовались одинаковым оправданием. Возможно, один научил другого.

— А карточка не втягивает людей? — спросила она. — Старшие подъездов получают сведения о диагнозах, ключах и детях. Ты передал Павлу номер школы и класс Даши. На каком основании?

— На основании того, что я её отец.

— Быть отцом не значит раздавать её данные соседям.

— Быть матерью тоже не значит запирасть её.

Слова легли точно. Лида почувствовала, как тело готовится защищаться: плечи поднялись, воздух застрял в груди. Раньше она бы стала доказывать разницу между одной ночью и постоянным сбором сведений. Разница была, но произнесённая сейчас она прозвучала бы как скидка на собственный поступок.

— Не значит, — сказала Лида. — Я не имела права.

Виктор ждал возражения и на секунду потерял продолжение.

— Хорошо, что ты наконец это признаёшь.

— Я признала перед Дашей. Не тебе в обмен на право следить.

— Речь не о моём праве. Речь о её безопасности. Даша, собери вещи на неделю. Я пришлю машину. Если захочешь вернуться, обсудим с Ириной или с кем ты сама выберешь.

— Ты уже вызвал водителя? — спросила Даша.

— Я могу вызвать за минуту.

— Отмени.

— Я ещё не вызывал.

— Тогда зачем сказал, что он будет через сорок минут?

Виктор улыбнулся устало.

— Потому что знаю, сколько занимает дорога. Не цепляйся к словам, как мама.

Даша отодвинула телефон.

— Не говори так.

— Как?

— Будто точные слова — её болезнь. Ты сам ими пользуешься, когда тебе удобно.

За стеной кто-то включил воду. В трубе прошёл гул, и экран на мгновение дрогнул от вибрации стола.

— Ладно, — сказал Виктор. — Точно: я требую, чтобы до выяснения обстоятельств ты жила у меня. Не из-за одного снимка. У вас вскрывали квартиру, возле подъезда был неизвестный, тот же фургон оказался у школы, а мать вместо переезда продолжает расследовать. Плюс у неё уже был случай, когда страх сделал её опасной для тебя. Этого достаточно.

— Для чего достаточно? — спросила Даша.

— Чтобы взрослые приняли решение.

— Какие взрослые?

— Мы с матерью. Если не договоримся — специалисты.

— А я?

— Тебя выслушают.

— Но водитель уже почти едет.

— Даша, не передёргивай.

Она встала из-за стола. Камера теперь показывала только край её свитера.

— Я сегодня никуда не поеду.

— Ты говоришь это рядом с матерью.

— А где я должна говорить, чтобы ты поверил? Одна в

твоей машине?

Виктор приблизился к камере.

— Я могу приехать сам. Мы спустимся во двор, поговорим без неё.

— Нет.

— Ты боишься оставить её одну?

— Я не хочу, чтобы мой ответ превращали в диагноз.

Лида не видела лица дочери и не пыталась поймать её руку. Даша имела право закончить разговор сама.

— Пап, ты говоришь правду про ту ночь, — продолжила она. — Мама меня заперла. Мне было страшно. Я потом неделю держала телефон в кармане даже в душе. Но ты сейчас используешь это, чтобы чужой мужчина записывал мой класс и решал, кому сообщать, если увидит меня во дворе. Я не разрешала.

— Тебе не нужно было разрешать меры безопасности.

— Вот это мама тогда и говорила.

Виктор замолчал.

Даша снова села, но дальше от телефона.

— Удали у себя адрес моей школы из всего, что связано с Павлом. Напиши ему, чтобы он удалил. Пришли мне сообщение, что сделал это.

— Я не буду уничтожать возможность помочь тебе из-за маминой подозрительности.

— Это моя просьба.

— Тебе пятнадцать.

— И поэтому любой взрослый может собирать про меня что хочет?

— Поэтому родители отвечают за тебя.

— Оба? Тогда почему мама не знала про карточку?

Лида увидела, как у Виктора напряглась щека. Он перевёл разговор туда, где чувствовал опору.

— Завтра мой адвокат подаст заявление об определении временного места жительства. Я приложу переписку, фотографию, обращения в полицию и сведения о февральском случае. До решения я прошу тебя приехать добровольно. Если откажешься, это тоже будет зафиксировано.

— Ты мне угрожаешь записью отказа? — спросила Даша.

— Я предупреждаю о последствиях.

— Запиши: я отказалась ехать сегодня, потому что не хочу менять дом после звонка с требованием. Это не значит, что я всегда выбираю маму. И не значит, что простила её.

Последние слова Даша произнесла, глядя на Лиду. Та кивнула.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.